

КАРМЕН
МОЛА



ЦЫГАНСКАЯ НЕВЕСТА

инспектор полиции
Элена Бланко

КНИГА I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИНДБАД

18+

Кармен Мола
Цыганская невеста
Серия «Инспектор полиции
Элена Бланко», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70291495

Цыганская невеста: Синдбад; Москва; 2023

ISBN 978-5-00131-570-4

Аннотация

Молния не ударяет в одно место дважды. Члены семьи Макайя не сомневались в этом, пока на них не обрушилась очередная трагедия. Накануне свадьбы похищена и убита Сусана Макайя. Убита тем же изощренным способом, что и ее старшая сестра Лара.

Макайи принадлежат к цыганскому клану, который проворачивает в Мадриде темные дела, так что у полиции нет недостатка в зацепках и подозреваемых. Отец Сусаны клялся приструнить девушку, которая вела себя слишком независимо. Члены клана Макайя ненавидели мать Сусаны за то, что она не воспитала дочерей в цыганских традициях. Жених Сусаны мучился ревностью и нанял детектива, чтобы следить за ней.

И все же инспектора Элену Бланко не оставляет ощущение, что она что-то упускает. Что это – интуиция опытного следователя? А может, Элене не дают покоя демоны прошлого?

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	63
Глава 13	68
Глава 14	71
Глава 15	76
Глава 16	80
Глава 17	86
Часть вторая	91
Глава 18	94
Глава 19	99
Глава 20	105
Конец ознакомительного фрагмента.	110



Кармен Мола

Цыганская невеста

Carmen Mola

LA NOVIA GITANA

La novia gitana © 2018, Carmen Mola

This edition published by arrangement with *Hanska Literary&Film Agency, Barcelona, Spain*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2023

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.

Издательство «Синдбад», 2023

Часть первая

Небо в комнате

*Когда ты здесь со мной,
исчезают стены,
в комнате встают деревья,
бесконечный лес¹.*

Поначалу это было похоже на игру. Кто-то запер мальчика в крошечной темноте, и он должен был выбраться оттуда самостоятельно. Первое, что надо было сделать, – найти выключатель, но мальчик не стал его искать, он думал, что дверь вот-вот откроется.

Дверь не открывалась.

Это могло быть частью испытания – побеждает тот, кто дольше продержится молча, тот, кто не попросит о помощи. Мальчик прильнул ухом к щербатой деревянной двери. Он услышал треск заводимого мотоцикла, потом звук стал удаляться. Тогда он понял, что остался совсем один. Если закричать, в этом мрачном затхлом и пыльном пространстве отзовется только эхо, но он был так напуган, что даже не плакал.

Теперь он начал искать выключатель. Ощупал стену. По-

¹ Начало композиции *Il cielo in una stanza*, автор и исполнитель – итальянский певец Джино Паоли. – Здесь и далее примечания переводчика.

шел вдоль нее, медленно, чтобы не споткнуться и не упасть. На потолке должна быть лампочка. В помещении было узкое, длинное окно, в верхней части стены, но солнце зашло час назад, и в окне виднелась только черная ночь.

Он не знал, почему его закрыли.

В темноте он на что-то наткнулся, ему показалось, на стиральную машину. Он мог бы проверить, работает ли она, – по крайней мере, тишину разогнал бы шум воды, крутящейся в барабане, – но он не стал проверять, а продолжал исследовать помещение, поглаживая стену рукой, как слепой. Он искал выключатель, но пальцы нащупали деревянный черенок. Лопата, понял он, и тут же она с грохотом упала.

Мальчик заплакал и не сразу услышал глухое рычание, доносящееся из угла. Нет, он не один. Тут спрятали животное. Он слышал его раньше, знал, что по ночам оно бродит по участку, его стоны и завывания были страшны, мальчику пришло в голову, что это волк. Но нет, успокоил он себя, это просто собака, которая пробралась в старый сарай, тот, что он видел из окна своей комнаты. Ходить туда ему не разрешали. Так вот где его заперли – в запретном сарае, поэтому он и не узнал помещение и никак не мог освоиться в темноте.

Он вдруг увидел две светящиеся точки в черной глубине и инстинктивно отступил. Ему показалось, точки приближаются, но точно он не знал, может, так казалось от

страха. Разве могут быть видны только две маленькие искры? И вдруг он перестал их видеть. И сразу почувствовал сильную, острую боль. Животное впилось ему в ступню.

Обеими руками ребенок оттолкнул зверя. Но последовала новая атака, мальчик стал брыкаться и попал ногой животному в морду. Он лупил руками и ногами и слышал частое прерывистое дыхание, а потом вдруг наступила тишина. И в этой тишине стало еще страшнее.

Он украдкой отступал к двери, готовый отразить атаку, если собака бросится на него снова, и тут нащупал ручкой выключатель. Очень странно, что он не нашел его раньше, но по какой-то причине он пропустил именно эту часть стены.

С потолка на кривом шнуре свисала голая лампочка. Она освещала достаточно, чтобы понять, что изнутри сарай загромождают ящики со старыми одеялами, каскетами, книгами и сельскохозяйственными инструментами, стиральная машина, ржавый велосипед с одним колесом и еще какой-то хлам.

Собака сидела под раковиной с краном, небольшим умывальником. Это была дворняга без одной лапы.

Не отводя взгляда от животного, мальчик схватил лопату, ту, что недавно уронил. Собака зарычала. Мальчик поднял лопату. Он удивился, что у него так много сил, что он так легко справляется с тяжелой лопатой. Должно быть, это действовал инстинкт самосохранения, что-то подска-

зывало ему, что в этом заточении вдвоем им не выжить.

Животное встало и с трудом захромало к ребенку. Оно шло так медленно, что это не выглядело угрожающим. Но подойдя, оно вцепилось ему в лодыжку, словно в кость, из которой хотело добыть весь мозг до последней капли. Мальчик нанес удар лопатой, и животное упало с легким хрипом. Он стукнул собаку по голове несколько раз, пока не почувствовал, что больше ему лопату не поднять. Тогда он сел на пол и заплакал.

У него болела лодыжка, на ней остались отметины от зубов. Ботинок был в крови. Он снял его и обнаружил первый укус. В тот раз он от страха не понял, что псина его укусила.

Свет погас.

Эхо удвоило звук дыхания, и мальчик замер, чтобы понять, не собака ли это дышит. Но нет, собака была мертва.

Глава 1

– Су-са-на! Су-са-на! Су-са-на!

Подруги Сусаны кричали, хлопали в ладоши, танцевали от души, и точно так же вели себя подружки других пятнадцати или двадцати невест, которые собрались в пятницу в *Very Bad Boys*² на улице Оренсе. Никаких мужчин, исключительно женщины праздновали скорое наступление замужней жизни своих подруг; одни надели смешные диадемы с пенисом; у других грудь пересекали широкие нарядные ленты, как у участниц конкурсов красоты, с именем виновницы торжества; около одной из невест веселились девушки в одинаковых футболках с ее портретом. Подруги Сусаны выглядели скромно: всего лишь надели поверх одежды розовые балетные пачки.

– Су-са-на! Су-са-на! Су-са-на!

Сусана давно боялась того момента, когда окажется в центре внимания, и вот он настал. Вышли два танцора, один – блондин, швед с внешностью викинга; другой – мулат, похоже бразилец. Начали они свой танец в костюмах полицейских, но, постепенно сбрасывая одежду, оказались почти обнаженными; оба выглядели очень привлекательно: широкие в плечах, мускулистые, с выбритыми висками и подобием ирокеза, с полностью депилированными телами, блестящи-

² «Очень плохие парни» (англ.).

ми от масла, которым они, должно быть, намазались перед выходом на сцену. На них остались только маленькие стринги, красные у мулата и белые у викинга. Сусана опасалась, что ее попросят снять их зубами, как это успели проделать несколько невест, которые уже поднимались к танцорам на сцену. Видел бы отец! Его такие вещи приводят в ярость.

– Не волнуйся, мы тебя не обидим, – успокаивающе шепнул ей мулат на хорошем испанском.

Сусана не угадала, он был не бразилец, а кубинец.

Вот она уже на сцене, музыка гремит, ее усаживают на стул; оба танцора вьются вокруг, задевая ее гениталиями, скользя руками по всему ее телу. Едва войдя в клуб, все приглашенные дали обещание: что бы ни произошло в *Very Bad Boys*, это останется здесь, никто из подруг ничего никому не расскажет, тем более Раулю, который через пару недель станет ее мужем. Она ни за что не повторит того, что проделала одна из невест, по имени Росио, – это ее подружки напялили диадемы с пенисами: один из танцоров, вытащивших ее на сцену, наряженный пожарным, разделся и выдавил взбитые сливки себе на член, а она стала их слизывать, пока не слизала все без остатка; все это время подружки визжали от восторга. Она на такое не согласится, как бы и кто бы ее ни просил. Даже если подруги опять назовут ее святошей. Они и считают ее святошей, а отец – отъявленной шлюхой; но она – не то и не другое.

Ей не было видно подруг, но она слышала, как они кри-

чат и смеются, все, кроме одной – Синтии. Надо будет потом поговорить с ней, напомнить, что это ничего не значит, что Сусана ведет себя так, как положено невесте на девичнике.

Мулат сдержал слово – ни он, ни швед не предлагали ничего такого, что заставило бы ее отказаться и испортить всем удовольствие. Что ж, танцоры видят десятки невест каждую неделю, они, наверное, при первом взгляде на девушку понимают, насколько далеко можно с ней зайти. Раздевшись, они танцевали, извиваясь и скользя вокруг нее, а потом помогли спуститься со сцены. Несмотря на обстановку, они были вежливы и почтительны.

Марта, самая отвязная из ее подруг, считавшая невозможным выходить замуж без девичника и сама его устроившая, прошептала ей на ухо:

– Тебя в примерку не позвали?

– Нет.

– Фигово... Вот я, когда выходила замуж, после танца пошла в примерку с твоим блондином.

– И чем там занималась?

– Тем самым, о чем ты думаешь. Я уверена, у него в два раза больше, чем у твоего Рауля, хотя у Рауля я, конечно, не видела. А Росио, та, что перед тобой была, трахалась и с двумя пожарными, и с обоими твоими полицейскими.

Нет, Сусана не такая, у нее и в мыслях не было трахаться со стриптизерами, пусть это и делают другие невесты, даже Марта; неудивительно, что брак подруги продлился всего

пять месяцев. Испуганно оглянувшись, Сусана так и не увидела Синтию, единственного человека, который был ей сейчас нужен.

– А Синтия?

– Она ушла, когда ты была на сцене. Где ты только откопала такую зануду?

Среди гостей только Синтия не училась с Сусаной в одной школе. Она другая, можно было догадаться, что она не поладит с остальными. Но не позвать ее Сусана не могла. Жаль, ей не пришло в голову устроить два девичника – один для всех, другой только для Синтии. Чтобы та была единственной гостьей.

«Почему ты ушла?»

По дороге к «Эль Аманте», где они собирались выпить – по словам Марты, это самое модное место в Мадриде, – проезжая в такси по улице Майор, Сусана отправила подруге сообщение, но и два часа спустя Синтия еще не прочитала его: вторая синяя галочка так и не появилась. Выходя из бара, Сусана снова посмотрела на экран и огорчилась – ответа не было.

За эти два часа к ним подходили парни, приглашали выпить, ее подталкивали к туалетной комнате, предлагая поделиться кокаином, но Сусана отказалась; потом они увидели известного футболиста на пенсии и сфотографировались с ним – с одной стороны подруги, всей оравой, с другой – она,

приобняв его за талию. Футболист предложил ей уйти вместе: может, она ему понравилась, а может, им двигало нездоровое желание переспать с невестой накануне свадьбы. Сусана без труда от него отделалась: красивая – настолько, что одно время подумывала стать моделью, – она уже успела привыкнуть к мужской назойливости.

– Давайте поедem в одно секретное местечко неподалеку от площади Алонсо Мартинеса, – предложила Марта. – Оно не закрывается до утра, и я знаю кодовое слово, чтобы пропустили.

– Давайте поедem домой, уже пора, – ответила Сусана. Так твердо, что подруги сразу перестали доказывать ей, что в такую ночь надо развлекаться.

Выйдя из такси, которое увезло подруг, продолживших погоню за весельем, она обнаружила, что так и не сняла розовую балетную пачку. Ладно, дома снимет. До него еще два квартала, нужно много раз повернуть по запутанным улочкам, чтобы подъехать к самому дому, и она отпустила водителя. Вздохнув, взяла телефон. Синтия так и не прочитала сообщение, которое она отправила, когда вышла из *Boys*. Сусана набрала новое: «Возвращаюсь домой, устала. Ты не сердисься? Скучаю по тебе».

Все посмеивались над сообщениями Сусаны. Она писала их, добросовестно следуя правилам Королевской академии испанского языка – без ошибок, без сокращений, со всеми знаками препинания. Синтия обычно отвечала со смайлика-

ми, без гласных, тарабарщиной, которую иной раз и сама не могла расшифровать. Сусана вдруг поняла, что за весь вечер она ни разу не подумала о Рауле, но это ее не удивило и не поколебало решения о замужестве. Она все равно выйдет за него, даже если отец перестанет с ней разговаривать, даже если Синтия смертельно обидится. Это ведь не любовь, это не имеет ничего общего с любовью.

На улице Министрилес, где в маленькой квартире жила Сусана, не было ни души. Любой бы побоялся пройти там ночью по тротуару, на котором муниципалитет почему-то забыл установить фонари. Но Сусана привыкла и не испытывала никакого страха, она вообще не желала жить в страхе, как бы мать ни призывала ее к осторожности. Нет, хватит прислушиваться к ее наставлениям и советам, с ней ничего не случится, их семья уже исчерпала свой злой рок на несколько веков вперед. Как говорилось в одном фильме, две бомбы в одну точку не падают и при обстреле нет места безопаснее, чем воронка от снаряда.

Когда до подъезда осталось каких-то два метра и она уже доставала из сумочки ключ, предвкушая, как ляжет в постель и прочитает сообщения от Синтии, Сусану ударили сзади по голове и заткнули рот платком. Она даже не успела среагировать, только почувствовала, что теряет силы, что ее тащат и бросают на заднее сиденье машины, возможно микроавтобуса. И больше ничего.

Глава 2

Эпохой расцвета для комплекса Ла-Кинта-де-Виста-Алегре в Карабанчеле явился девятнадцатый век, когда дворец с его роскошными садами стал местом летнего отдыха королевы Марии Кристины де Бурбон, а позже резиденцией маркиза де Саламанка – того самого, который организовал постройку одноименного района в Мадриде.

– Я даже не подходил, чтобы не наследить. Как только ее увидел, сразу позвонил вам. – Сотрудник дворцовой охраны нервничал, что полицейские никак не убирают тело. – На труп я наткнулся впервые, но рано или поздно это должно было случиться: место тут больно заброшенное.

Помощник инспектора Анхель Сарате поступил на службу в местный полицейский участок недавно и еще не успел побывать в королевском поместье, так что теперь с интересом смотрел по сторонам. Миновав дворец, они шли по садам, где время, казалось, остановилось и где скорее ожидаешь увидеть воскресшую даму девятнадцатого века, чем мертвую женщину двадцать первого.

– Совсем как парк Ретиرو, – восхищенно заметил Сарате.

– Нет, лучше, чем Ретиру, но за ними никто не ухаживает. Знаете этих политиков, у них никогда нет денег на то, что не приносит им выгоды. А на свои пышные банкеты и шикарные тачки, на это да, на это у них есть. Здесь два дворца,

старый, королевский, и новый, маркиза, а еще дом престарелых и сиротский приют. Обещали все передать в аренду Нью-Йоркскому университету, мол, они все приведут в порядок, но нет, сами видите, в каком все состоянии.

Люди, которые ругают политиков, пусть даже справедливо, на Сарате наводили скуку. Куда проще винить других, чем сделать хоть что-то самому. И не так уж тут неухоженно, куда лучше, чем в любом окрестном парке. И ни тебе бандитов, ни наркоторговцев, ни даже сломанных качелей.

– Вы сказали, вас зовут...

– Рамон, к вашим услугам, – поспешил ответить охранник. Фамилии он не назвал.

– Когда вы нашли тело, Рамон?

– Меньше получаса назад. Хорошо, что я поехал сюда, в зону старого приюта. Я, знаете, в нем вырос. Правда, я уже несколько дней слоняюсь без дела. Обычно ночью сюда пробираются нищие, но в последние дни они не приходили.

– Я не вижу связи.

– Всё со всем связано, сеньор инспектор. Ничего не происходит просто так, одно всегда ведет к другому. Разве вы не слышали о том, что взмах крыльев бабочки в Австралии может вызвать здесь землетрясение?

Сарате совсем не хотел слушать про эффект бабочки в исполнении охранника парка. Сейчас его это не интересовало. Он направился к труп.

– Ваш напарник идет, – сказал охранник. – Простите, я

слишком много болтаю, мне не с кем поговорить, я провожу дни в одиночестве, а с тех пор, как скончалась жена, и ночи тоже. Здесь только нищие да я. Ну теперь и эта мертвая, конечно.

К ним приближался напарник Сарате – Альфредо Коста. Если бы Косте пришлось повторно сдавать конкурсные экзамены, чтобы попасть в полицию, еще вопрос, сдал бы он их или нет. Он рассказывал Сарате, что в его возрасте вместо занятий спортом валял дурака, и теперь, когда дело шло к пятидесяти, он не смог бы при необходимости догнать собственную бабушку.

– Ты видел труп? – Сарате был возбужден – молодым полицейским редко выпадает возможность расследовать убийство. Сальвадор Сантос, его наставник с юности, человек, который вдохновлял его и помог поступить в полицию, любил повторять: убийств в Мадриде почти не бывает.

– Да, видел, но не подходил. – Коста, не новичок в полиции, не разделял мнения Сальвадора: на его взгляд, убивали в Мадриде слишком часто, а главное, слишком часто в его смену. – И ты тоже не подходи, потому что потом криминалисты обвинят нас в уничтожении улики. От них полиции один вред, вот что я тебе скажу.

– Ты им звонил?

– Сразу после тебя, они должны уже приехать.

Оба подошли к месту, указанному охранником, и встали в нескольких метрах от мертвой девушки. На талии у нее

виднелось что-то розовое.

– Что это?

– Балетная пачка. Когда у тебя будут дочери, замучаешься покупать такую фигню. – Дочерей у Косты было две, четырнадцать и десяти лет, и когда он рассказывал о них, желание иметь детей у собеседника пропадало начисто.

– Надо бы подойти поближе.

– Не нарывайся. Когда ты поймешь, что лучше не создавать себе проблем? Повышение дают за выслугу лет, а не за топтание в грязи.

Сарате и шагу сделать не успел, как появились криминалисты. Приехал Фуэнтес, один из самых опытных оперативников. Надо же, оказался в одной обойме с такими матерыми профессионалами!

– Труп опознан? – осведомился Фуэнтес.

– Мы еще не подходили.

– Мать вашу! – вскинулся он. – Откуда же вы знаете, что она мертва?

Все трое подошли к телу. Сарате внимательно разглядывал девушку: брюнетка, наверняка цыганка, красивая, но лицо сильно разбито. Пачка грязная и в крови, как и остальная одежда, и все изорвано.

Криминалист приступил к осмотру: приподнял веко, чтобы увидеть зрачок, и вскрикнул от неожиданности. Из глазной впадины выполз червь, но поразило Фуэнтеса не это.

– Она жива! Мой саквояж! Скорей!

К нему кинулся один из помощников, но по телу девушки пробежала последняя предсмертная судорога. Кто знает, приди они раньше, может, ее удалось бы спасти. Фуэнтес вздохнул и покачал головой.

– Все, она мертва, но в любом случае жить ей оставалось недолго. Мы напишем в отчете, что нашли ее мертвой, чтобы вам было меньше геморроя.

– Что тут произошло? И что за червь? – Сарате растерялся.

– Ничего не трогайте, боюсь, это дело не вашего уровня, – предупредил Фуэнтес. – Звоню комиссару Рентеро.

Сарате посмотрел вокруг. Внезапно парк утратил красоту и превратился в страшное место, где из глаз мертвых девушек выползают черви.

Глава 3

– Баррита с помидорами, сеньора инспектор?

Элене Бланко совсем не нравилось, что Хуанито, румынский официант, – эффектный, бойкий, ярый болельщик «Барсы», – каждый день при всех называет ее инспектором, но делать ему замечания она уже перестала.

– На мне что, написано, что я хочу барриту с помидорами?

При этих словах Хуанито доставал из холодильника под барной стойкой бутылку молодой фриульской граппы «Нонино», которую она любила за кристальную прозрачность и терпкий свежий вкус. Пить граппу на пустой желудок не полагается, но Елена Бланко не первый год начинала с нее утро, завершая этим напитком бессонную ночь.

– Он был здесь рано утром, Диди, сторож с подземной парковки. Попросил у меня бокальчик вашей граппы.

– Надеюсь, ты не дал.

– Нет, я налил ему другой, из виноградных выжимок. Он рассказал мне, что прошлой ночью на третьем этаже парковки трахались.

– В красном «лендровере»?

Румын улыбнулся, ему нравились шутки Элены, и поэтому он сообщал ей все сплетни, которые, по его мнению, имели к ней отношение. Время от времени он пытался к ней клеиться, хотя знал, что это совершенно бесполезно.

– Может, это вы и были, инспектор?

– Нет, не я, но я всегда думала, что, если мне и случится потрахаться на третьем этаже парковки под моим домом, я сделаю это только в красном «лендрровере». Видишь, мои фантазии исполняются, хотя и без моего участия. Диди оставил тебе что-нибудь для меня?

Хуанито, изобразив беспокойство, внимательно огляделся по сторонам и быстро сунул ей в руки пакетик, словно это была страшная колумбийская контрабанда.

– Не бойся, Хуанито, ведь полиция – это я, а я не собираюсь тебя задерживать.

– Будьте осторожны.

– С красным «лендрровером» или с наркотой?

– И с тем, и с другим.

– Не представляю, как ты решился пересечь всю Европу, с твоим-то благоразумием.

В пакетике было всего несколько граммов марихуаны, Диди выращивал ее в саду своего дома в Камарма-де-Эстеру-элас. Кустов у него росло мало, не хватало даже двум-трем клиентам на полгода. Элене нужно было совсем немного, она курила очень редко и не больше одного косяка, обычно утром, как сегодня, после пьяной ночи в баре и посещения парковки с каким-нибудь владельцем большого автомобиля. К себе она гостей обычно не приводила.

– Получи с меня, Хуанито, я иду спать.

Жить на Пласа-Майор – и роскошь, и головная боль. Рос-

кошь, потому что стоит выйти на балкон и увидишь старый город, каким он был и сто, и двести, и даже четыреста лет назад – именно такую годовщину недавно отпраздновала площадь. Говорят, раньше на ней проводили бои быков, шествия, мессы, аутос сакраменталес³, суды святой инквизиции и даже сожжение еретиков. С балкона Элены были видны удивительные красочные фрески на Каса-де-ла-Панадерия и самые разные праздничные шоу. В том и состояла головная боль: все, от фестиваля чотиса⁴ в День святого Исидро до рождественской ярмарки, происходило под ее балконом. Конечно, с него она могла бесплатно любоваться гарцующими андалузскими лошадьми, но шум был гарантирован круглый год.

Туристы, наводняющие площадь, фотографировались с толстым Человеком-пауком и танцорами фламенко, бросали монеты в бронзовую статую короля или в деревянного козла, и никто даже не догадывался, что за одним из этих старых фасадов скрывается современная, элегантно минималистичная квартира площадью более двухсот квадратных метров. Из невзрачного помещения, беспорядочно заставленного старой мебелью, которое Елена унаследовала от бабушки, получилось такое, что его фотографии могли бы украсить

³ Аутос сакраменталес – одноактные аллегорические пьесы на сюжеты из Священного Писания, жанр испанского театра XVI–XVII вв.

⁴ Чотис (шоттиш) – европейский парный танец XIX в., ставший визитной карточкой Мадрида.

любой глянцевого журнала по дизайну интерьера.

Но для Элены главная ценность квартиры состояла в другом: внутренний угол балкона скрывал незаметную с площади, укрытую от посторонних взглядов камеру наблюдения. Камера, установленная на штативе позади выступа стены, была направлена на одно и то же место – на арку, что ведет на улицу Филиппа III. Камера, подключенная к компьютеру, делала снимки каждые десять секунд и функционировала в таком режиме уже несколько лет. Время от времени Элена их просматривала. Со вчерашнего утра, когда она прокручивала их последний раз, новых снимков накопилось несколько тысяч, а с тех пор, как она установила камеру, перед ее глазами прошли миллионы фотографий. Некоторые она сохранила из чистого любопытства, не рассчитывая, что когда-нибудь они ей пригодятся.

Перед тем как сесть за компьютер, она включила музыку на айпаде. Ту же, что и всегда, песню Мины *Vorrei che fosse amore*⁵. Она слушала, тихонько подпевала и время от времени потягивала косячок от Диди. Потом медленно разделась, осмотрела в зеркале царапину, оставленную на плече хозяином «лендровера», и, окинув себя взглядом, не без удовольствия отметила, что ее телу не нужны долгие тренировки в спортзале, что в свои без малого пятьдесят она выглядит практически так же, как в тридцать, что формы ее прекрасно сохранились при полном отсутствии лишних ки-

⁵ «Пусть это будет любовь» (итал.).

лограммов, и направилась в душ.

Нежась под струями воды, она думала, что, возможно, сегодня ей повезет, что, может быть, на одной из тысяч фотографий окажется лицо, изрытое оспой, которое она так долго искала. Зазвонил телефон, она не пошевелилась: пусть звонит. Только когда он зазвонил снова, она поняла: что-то срочное. Завернувшись в полотенце и оставляя за собой мокрые следы, она взяла трубку.

– Рентеро? Сегодня у меня выходной... Ла-Кинта-де-Виста-Алегре? Нет, я не знаю, где это, но навигатор знает... Карабанчель? Отлично, это двадцать минут, или лучше заложи тридцать. Пусть моя команда меня там ждет.

Глава 4

Расчет на полчаса не оправдался, для Мадрида утром понедельника он чересчур оптимистичен. Чтобы прибыть к месту назначения, инспектору Бланко потребовался почти час. С чувством гордости она отметила, что отдел уже всю работу делает, причем каждый делал именно то, что приказала бы она.

– Труп у нас выглядит не намного хуже тебя... Бурная ночь?

Буэндиа, судмедэксперт, был одним из немногих, кому Елена позволяла такие замечания. Она проработала с ним много лет, знала, что в случае необходимости могла бы доверить ему свою жизнь, хотя, конечно, надеялась обойтись без этого: действительно важные вещи Елена избегала поручать кому-либо, кроме себя.

Будь у нее немного больше времени, она бы сделала хороший макияж и скрыла последствия бессонной ночи. Но счет шел на минуты, она успела только натянуть джинсы и футболку, провести щеткой по волосам и принять таблетку парацетамола. Теперь ей очень нужно было выпить не граппу, нет, а кофе, при первой же возможности она попросит кого-нибудь за ним сходить.

– Рентеро здесь?

– Я его не видел, не думаю, что он приедет... Труп вон

там.

Инспектор Элена Бланко, руководитель отдела криминалистической аналитики (ОКА), в Ла-Кинта-де-Виста-Алегре никогда не бывала. Очарованная – как и все, кто явился сюда этим утром, – она с восхищением смотрела на сады, дворцы и статуи. Да, тут, конечно, все здорово запущено, но, возможно, это придает месту особый шарм: это не современный парк с американскими аттракционами, зато здесь дышит сама история. Кто знает, возможно, одна из испанских королев восседала на той же самой скамейке, куда сейчас уселся старый полицейский, глядя на присутствующих так, будто его все это нисколько не касается.

– Кто это?

– Полицейский Коста, – ответил Буэндиа. – Приехал на вызов, когда сообщили о трупе. Он рвется уйти, в отличие от своего напарника Анхеля Сарате. Тот лезет во все, хочет быть в курсе. У него уже были две стычки с Ческой.

– Молодой?

– Чуть старше тридцати. Ну ты знаешь этих молодых. Бесится, ведь мы забрали у него дело.

– Я бы охотно вернула это дело ему.

ОКА никогда не занимался расследованием преступления с самого начала, обычно он подключался позже, когда следствие заходило в тупик. Причины могли быть самыми разными: некомпетентность оперативников, подозрение на конфликт интересов или попросту неспособность следствия

распутать сложное дело... В США отдел считался бы своего рода суперполицией, а в Испании они просто приходили на помощь, когда больше никто ничего не мог сделать и когда больше не к кому было обращаться. Единственное их отличие от других отделов состояло в том, что они располагали большими ресурсами.

– Что у нее на поясе? – Элена тоже обратила на это внимание.

– Балетная пачка. Говорят, это мог быть...

– ...девичник, – договорила инспектор.

В силу расположения квартиры про девичники она знала все. Редкий из них не проходил под ее балконом. Сперва это были пьяные англичане, потом англичанки, тоже пьяные, потом компании французов, итальянцев, испанцев. Балетные пачки на них не были редкостью, как и фата, и нижнее белье поверх одежды. А теперь в моду вошли еще и диадемы из пластмассовых пенисов.

– Ческа, Ордуньо, подойдите.

Оба были сотрудниками отдела. Хорошие полицейские, молодые, увлеченные, спортивные, Элена использовала их всякий раз, когда, помимо мозгов, нужны были еще и мышцы. Ордуньо пришел к ним из полицейского спецназа, Ческа раньше работала в отделе убийств и пропавших без вести. Инспектор Бланко выбрала их сама, как и Буэндиа, судмедэксперта, и Марьяхо, уникального компьютерного эксперта, – людей, которым она доверяла больше всего.

– Слушаюсь, инспектор.

Элене стоило большого труда отучить Ордуньо от странных формулировок, но постепенно она этого добилась, по крайней мере, он уже перешел с ней на «ты».

– Освободите площадку вокруг тела. Следы наверняка уже затоптаны, но, если нет, они мне нужны. Возможно, жертва была на девичнике, это тоже надо выяснить.

Только приказы – краткие и четкие. Рассуждать, строить версии – это потом, на совещании в отделе. Все знали: Элена любит работать, и уважали ее за это.

– Инспектор, полицейские, прибывшие по вызову...

– Анхель Сарате и его напарник, знаю. Хорошо, Ческа, я разберусь, Буэндиа меня предупредил.

Она разглядывала Сарате, присматриваясь, прежде чем с ним заговорить. Элена старалась не ссориться с полицейскими, чьи дела перехватывал ее отдел, понимая, что они союзники, что цели у них общие, однако знала и то, что избежать неприязни почти невозможно. Склонность конфликтовать с другими полицейскими была главным недостатком Чески, которая словно считала весь остальной мир враждебным и только ОКА – своей семьей. Хорошо, Ордуньо обычно хватает дипломатичности.

– Итак, работаем, Буэндиа. А скажи, почему Рентеро подключил нас с самого начала?

Буэндиа знал, что с ней следует говорить коротко и напрямую, а не ходить вокруг да около.

– Первым у тела оказался Фуэнтес, криминалист. Он профи, я знаю его много лет. Приподняв веко жертвы, он заметил, что из глаза вылезает червь. Для разложения было рано – женщина скончалась при нем.

– И?

– Удачное совпадение: несколько лет назад Фуэнтес занимался убийством другой женщины – жутким ритуальным убийством, – и картина оказалась очень похожей. Он решил, что здесь то же самое, и позвонил Рентеро, а Рентеро вызвал нас.

– Ого, мы уже разбираемся с серийными убийцами. Не запретить ли полицейским смотреть кино?

– Не до шуток, Елена. Я забираю тело на экспертизу, надо поторопиться со вскрытием.

– Я мигом. Только поговорю с этим Сарате.

Сарате уже и сам подошел к ней, он понял, что главная тут она и что недовольство своим отстранением придется адресовать ей.

– Вы руководитель? – с достоинством спросил он.

– Мне сказали, это ты приехал по вызову, – сказала Елена вместо ответа на вопрос, давая понять, кто здесь устанавливает правила. – Я инспектор Бланко, руководитель ОКА.

– То есть ОКА реально существует?..

Удивленная его сарказмом, Елена посмотрела на него внимательнее и отметила, что он очень привлекателен – смуглый, с натренированным телом, как большинство моло-

дых полицейских. Будь у него красный внедорожник и попалась он ей ночью в баре, она бы, не колеблясь, отправилась с ним на парковку Диди.

– Это дело забираем себе.

– Но почему? Это мой участок.

– Почему? Потому что жизнь несправедлива и потому что да, ОКА существует. Мы сами свяжемся с твоим начальством. Пожалуйста, не мешай собирать улики.

Глава 5

Времени заехать домой переодеться не было. Пришлось надеть халат прямо на джинсы и футболку, в которых она ходила по Ла-Кинта-де-Виста-Алегре, а еще шапочку и маску, без которых на вскрытие не пускали. Елена немного нервничала из-за своей одежды: в любой момент мог позвонить Рентеро, и тогда придется отправляться в какой-нибудь дорогой ресторан или бар в пятизвездочном отеле – боссу было комфортно только в таких местах, и встречаться с ней он предпочитал там.

– Что-то уже понятно, Буэндиа?

– Мы ждали тебя, чтобы начать, – ответил эксперт. – Пока мы провели только внешний осмотр.

– Есть какие-нибудь зацепки – кто эта цыганская невеста? – По виду девушка явно была цыганкой, поэтому группа, не зная имени, называла ее так.

– Есть татуировка с бабочкой, ее сфотографировали – когда мы закончим, я тебе пришлю.

Татуировка на правой лопатке не слишком бросалась в глаза. Красивая бабочка, раскрашенная в красный, зеленый, синий и черный.

– Что за бабочка? Может ли она означать что-то конкретное? – Элене пришло в голову, что, возможно, в такую бабочку превратился бы червь, вылезший из глаза. Червь, гу-

сеница, бабочка – по сути одно и то же.

– Ничего не понимаю в бабочках, выясню. – Буэндиа указал на пальцы девушки. – Видишь, под ногтями частички кожи.

– Кожа убийцы?

– Или ее, если она чесалась, или ее парня, или кого-то еще. Возьмем образцы и проанализируем.

– Ее изнасиловали? – Элена знала, что в таких случаях над женщинами издеваются и до, и после смерти.

– Разбираемся, но пока не похоже.

Элене нравилось смотреть, как работает Буэндиа: методично, аккуратно, не теряя самообладания. Вокруг него сновали два молчаливых безымянных помощника, они всегда ассистировали ему при вскрытиях.

– Посмотри сюда.

Буэндиа указал на три маленьких отверстия в черепе, соединенные кругообразным разрезом. Волосы вокруг были выбриты. Элена обратила на это внимание еще в Ла-Кинта-де-Виста-Алегре. Волосы у девушки были черные, длинные и, не будь на них крови, прекрасные...

– Круговой разрез, первоначальный и неглубокий, сделан, возможно, острым ножом или резакон, кажется, только для того, чтобы наметить точки для отверстий. Отверстия сделаны, вероятно, электрической дрелью, маленькой и очень точной. Внутри есть черви.

– Внутри отверстий? – Элену замутило, но ей не хотелось,

чтобы коллеги это заметили.

– Боюсь, что внутри черепа, но до вскрытия точно сказать не могу. Это будет неприятно, лучше отойди.

Элена понимала, что должна остаться, хотя удовольствие смотреть, как распиливают череп молодой женщины, было еще то. Только звонок мобильного позволил ей отойти на несколько секунд.

– Рентеро? Наконец-то... В баре на факультете медицины через пятнадцать минут? Отлично, увидимся там.

У нее еще было время, чтобы посмотреть, как Буэндиа орудует зубилом и дисковой мини-пилой с отсосом опилок. Его помощники уже подготовили аппарат для подъема черепной крышки.

– Итак...

Внутри кишели черви, черви, которым предстояло съесть мозг этой молодой женщины.

– Придется вызвать энтомолога, посмотрим, что это за черви, – еле слышно произнес Буэндиа.

Мануэль Рентеро, комиссар, помощник операционного директора и второе лицо испанской полиции, ждал ее за одним из столиков в кафетерии медицинского факультета.

– Ты с матерью не говорила? – спросил он вместо приветствия.

Он был не только ее начальником, он дружил с ее отцом, а после его смерти поддерживал дружбу с ее матерью. Во всяком случае, виделся с ней гораздо чаще, чем с Эленой.

– Я думала, ты скажешь мне, где она.

– А ты не знаешь? На озере Комо, она всегда проводит там конец весны. Давно ты ее не видела?

– Постараюсь провести отпуск там же. – Элена изо всех сил старалась не язвить: уже много лет она не следует обычаям своей семьи. В любом случае обидеть Рентеро она не хотела. Он хоть и принадлежал к привилегированному классу, как и ее родители, но работал и был хорошим начальником. – Я пришла со вскрытия девушки. Это зверство.

– Черви?

– Откуда ты знаешь?

– Предположил. Сусана Макайя, двадцать три года, наполовину цыганка. – Рентеро положил перед ней дело погибшей. Теперь у нее было имя, теперь ее можно было называть: Сусана. – Был похожий случай семь лет назад.

– Похожий или идентичный?

– Умершую звали Лара, Лара Макайя, она была сестрой Сусаны и тоже собиралась выйти замуж.

Элена Бланко ничего не сказала, но подумала, что это дело точно для нее и что она точно засадит убийцу в тюрьму. Вот для чего она стала полицейским. Две мертвых сестры накануне замужества, с головой, полной червей. Теперь она поняла, почему вызов передали ОКА.

Глава 6

– Значит, пришли позже, а теперь командуют?

Сарате был расстроен и охотно приказал бы охраннику Ла-Кинта-де-Виста-Алегре заткнуться, но бедняга не виноват в том, что они с Костой остались не у дел. Да, теперь тут командуют полицейские из ОКА, которые презирают всех остальных. Начальницы уже нет, но та, что помоложе, время от времени глядит на сотрудников в форме как на людей второго сорта.

– Главное – поймать того, кто убил девушку, так ведь? Неважно, кто командует, это вообще не ваше дело. Полагаю, камер тут нет.

– Камер нет и вообще ничего такого нет. Только я. И садовник, который приходит раз в две недели. Несколько лет назад в садах установили капельный полив; раньше-то он приходил чаще.

– А посетителей тут много?

– Почти никого, местные жители просили открыть парк для посещений, но пока тут пусто. Только я и нищие.

– Ограбления бывают? Или хоть какие-то происшествия?

– Место спокойное. Зимой, правда, нищие греются, жгут костры и напиваются, так что порой ссорятся, даже дерутся. Но, слава богу, ничего серьезного.

– Вы сказали, нищие не появлялись уже несколько дней.

– Да. И меня это удивляет. Ведь погода хорошая, в парке спи не хочу. Я бы на вашем месте попробовал поговорить с ними.

– Я знаю, как делать мою работу, – неприязненно ответил Сарате. – Поговорю с ними, когда сочту нужным.

Не следовало так раздражаться; Сальвадор Сантос, его наставник, всегда учил внимательно слушать, никогда ни от кого не отмахиваться, учитывать все, что говорят свидетели, и уметь отличать зерна от плевел. Все так, но сегодня Сарате злился, что у него забрали дело, а эта инспекторша разговаривает с ним как с обычным постовым.

Только что нашли сумку девушки, и стало известно ее имя – Сусана Макайя, его произнес в трубку кто-то из сотрудников отдела, докладывая начальству. Сарате видел, как сотрудники делают слепки следов – крупных, глубоких, видимо принадлежащих человеку грузному, – что может существенно помочь в поисках; взяли они и пакет из супермаркета в надежде найти отпечатки пальцев. Сарате не стал бы его брать, пакет вполне могло принести ветром, а впрочем, изда- лека судить трудно – мало ли что они заметили там, вблизи. Приходилось признать, что ОКА работает профессионально: четко, слаженно, не пропуская ни сантиметра обследуемой территории. Если бы еще они так не важничали...

– Мне сказали, что мы можем уйти. – Коста жаждал этого с тех пор, как оказался здесь.

– Я остаюсь, – уперся Сарате.

– Не будь придурком, дело забрали в ОКА, забудь о нем.

– Ты знаешь, где у них контора?

– Нет, и никто не знает. Я даже не знал, существуют ли они на самом деле. Мы с тобой, считай, деревенские приходские священники, а они – ватиканское начальство; где мы, а где они. Забудь, у тебя впереди еще много лет работы, убийств будет вдоволь.

– Давай, увидимся завтра.

Разозленный Коста ушел, а Сарате все стоял и смотрел во все глаза. В огражденной зоне он заметил окурок и шагнул за ленту, чтобы поднять его и положить в пакетик для улики.

– Какого черта? – Сотрудница ОКА подошла к нему и чуть не вырвала окурок. – Сделай одолжение, выйди за периметр.

– Я полицейский, и здесь лежал окурок, который ты проглядела.

– Мне все равно, кем ты себя считаешь, для меня ты тот же охранник. Следствие ведем мы, а ты убирайся. Или тебя вывести?

– Это ты меня выведешь? Интересно, как?

Они стояли друг против друга, опустив руки и набычившись, словно два школьника перед дракой. Правда, один был в форме полицейского, а другая в жилете с буквами «ОКА» на спине. Подошел ее напарник, мускулистый и более миролюбивый.

– Давай, Ческа, за работу! Тебя зовут Сарате, да? Я Ордуньо. Прости мою коллегу, она всегда на нервах.

– Пусть успокоится.

– Да ладно, мы все – одна команда. Это дело поручено нам, не заводись. Кто знает, может, в другой раз тебе отдадут наше? – Говоря это, он потихоньку оттеснял Сарате за ленту.

Тот отошел и, когда уже был достаточно далеко, где его никто не видел, сунул руку в карман. Интересно, как скоро эта нервная сотрудница хватится своего бумажника?

Глава 7

Отдел криминалистической аналитики находился не в полицейском участке и даже не в здании управления полиции, а на четвертом этаже самого обычного дома на улице Баркильо. Три нижних этажа занимали фирма по разработке компьютерных игр, страховое агентство и брокерская компания; нигде не было ни оружия, ни людей в форме, ни табличек, указывавших на то, что происходит за закрытыми дверями. Сотрудники с четвертого этажа, особенно Ческа и Ордуньо, отличались от остальных разве что хорошей физической формой.

В переговорной у них, как и в любой другой фирме, был большой стол, стулья, широкая белая доска, а в углу – кулер с водой. Никто в отделе не скрывал того, что сумел узнать, – работали командой. Расследование шло именно в этом помещении, здесь обсуждалось все, что удалось выяснить, здесь проходили летучки, ежедневные, а то и по несколько раз на дню, с тем чтобы каждый был в курсе происходящего. Прошло всего несколько часов с момента обнаружения тела, но от сотрудников отдела уже требовали соображений и версий. Начала Елена.

– Пресса молчит, но Рентеро боится, что долго он не продержится. Пока никому ни слова, – предупредила она. – Жертва, как вы знаете, Сусана Макайя, двадцати трех лет,

наполовину цыганка. Возможно, была на девичнике.

– С семьей уже связались?

– Нет, мы им еще не сообщали. Они приедут сюда, и я сама с ними поговорю. – Главное Елена приберегла на конец. – Есть специфический момент, из-за которого дело отдали нам, даже два момента. Во-первых, причина смерти: похоже, ее мозг съеден червями. Во-вторых, сестра Сусаны, Лара, погибла так же семь лет назад.

Все молчали, осмысливая услышанное, пока Ордуньо не спросил:

– Значит, убийцу не нашли?

– Это третий загадочный момент. Убийца Лары Макайи отбывает срок в тюрьме.

– Может, подражатель, скопировал способ убийства одной сестры, чтобы убить другую?

– Это мы и должны выяснить, Ческа: будем сопоставлять все детали по мере их поступления. Я хочу, чтобы мы изучили дело сестры и сравнили с нашим. Но давайте по порядку, сначала выясним, была ли Сусана на девичнике, где он праздновался, кто с ней был, случилось ли там что-нибудь...

– Мы знаем, кто жених?

– Понятия не имею, но сейчас спрошу у родителей. А как только мы что-то узнаем, Ордуньо, займешься поисками подруг?

– В Мадриде не так уж много мест, где можно провести девичник. Их надо бронировать. Полагаю, что, зная ее имя,

мы найдем и заведение.

– Очень хорошо. – Инспектору нравилось, когда ее люди проявляли инициативу, а не ждали распоряжений. – Марьяхо, мы нашли сумку жертвы. Ее телефон выключен, думаю, просто разрядился. Посмотришь, что в нем?

– Без проблем.

Марьяхо была последним человеком, кого можно принять за хакера высшей квалификации. Не парень-интроверт, которому проще с компьютерами, чем с людьми, а симпатичная бабулька – ей давно минуло шестьдесят, – без внуков, из тех, у кого всегда найдутся советы и средства от простуды и головной боли, из тех, кто угощает подруг собственноручно испеченными кексами и убивает свободное время, разгадывая кроссворды. Но стоило ей сесть за клавиатуру, как она преображалась. Если кто-то и мог узнать все, что есть в Сети о Сусане Макайе, то только она.

– Когда будете обыскивать ее дом, проверьте, есть ли там компьютеры, планшеты и тому подобное. Я посмотрю ее социальные сети, что-нибудь найдем, – закончила она.

– Я верю в тебя, Марьяхо, – сказала Елена, прежде чем повернуться к Ордуньо. – Я хочу, чтобы вы проверили записи с камер вокруг подъезда Сусаны.

Ордуньо, кивнув, записал.

– Что у нас с местом, где был найден труп?

– Кроме сумки жертвы мы подобрали пластиковый пакет с пятнами внутри, видимо кровавыми, но, конечно, это может

оказаться кровь от телячьих стейков, а также окурок...

– Ничего более перспективного?

– Слепки со следов. Четких и глубоких. Почти наверняка принадлежащих тому, кто нес Сусану, то есть убийце. Ботинки мужские, размер сорок пять. Все отправлено в лабораторию.

– Полицейский, который прибыл раньше нас, ничего интересного вам не сообщал?

– Да такой, будь он даже свидетелем преступления, не смог бы сообщить ничего интересного. – Ческе коллега из полицейского участка в Карабанчеле явно пришелся не по душе. – Не представляю, как таких придурков берут в академию.

Элена пропустила замечание подчиненной мимо ушей: в каждом деле находился полицейский, о котором Ческа говорила то же самое.

Настала очередь Буэндиа:

– Особо много пока рассказать не могу, сегодня днем встречаюсь с энтомологом, может, он нас немного просветит. Что известно на данный момент: жертве сделали несколько отверстий в черепе, вероятно с помощью стоматологического бура, и круговой надрез, который их соединил. В отверстиях остатки полиэтилена, поливинилиденхлорида и поливинилхлорида, то есть их сверлили сквозь пластиковый пакет. Возможно, через тот, что вы нашли. Я уже отправил его на исследование. Руки ей связали скотчем, обычным, кото-

рый продается где угодно. Сейчас проводим анализы, чтобы выяснить, находилась ли девушка под действием какого-либо вещества. Завтра я расскажу вам гораздо больше.

– Спасибо, Буэндиа. Совещание закончено, все за работу.

Перед тем как выйти, Ческа подошла к Элене, чтобы отпроситься на полчаса.

– Дело в том, что я потеряла бумажник.

– У тебя его, случайно, не украли? Даже не знаю, как доверять полицейскому, который позволяет украсть у себя кошелек. Какое разочарование, Ческа. – Элена знала, что Ческу надо иногда ставить на место. – Даю тебе столько времени, сколько понадобится.

Глава 8

Мигель Вистас учил Карлоса, молодого, чуть за двадцать, заключенного, которого все знали как Каракаса, развешивать негативы для просушки.

– Осторожнее, Каракас, это фотография, а не подружкины трусы. Расправь ее немножко, но любовно.

Остальные заключенные были заняты своими делами: один спал, другой слушал в наушниках музыку, третий просто сидел, погружившись в свои мысли. Прозвенел звонок.

– На сегодня все, в среду продолжим.

Только Каракас остался, чтобы помочь Мигелю все собрать, остальные вышли из мастерской. По крайней мере, сегодня они хоть не шумели, были какими-то сонными. Всего их было пятеро – записавшихся на курс фотографии в седьмом мадридском пенитенциарном центре Эстремера, но на занятиях всегда присутствовало не больше трех. Сама фотография никого не интересовала, посещение курса свидетельствовало о благонадежности и позволяло сократить время пребывания в тюрьме на некоторое количество дней, в зависимости от преступления и срока наказания. Равнодушнее всех был руководитель курса, Мигель Вистас, заключенный, как и все остальные. Он знал, как и все, что пленки, негативы, проявка и фотобумага остались в прошлом, в скором времени будет невозможно достать необходимые приборы и

реактивы; его занятия – предсмертный хрип классического фотоискусства, убитого компьютером и цифровой фотографией. Он предупредил об этом в начале курса и сказал, что мобильным телефоном они смогут делать роскошные фотографии. Но пока ему разрешали преподавать, он вел уроки, чтобы заработать немного денег на покупки в тюремном магазине.

– Есть новости по апелляции, Каракас?

Карлос не совершал преступлений, ему в чемодан подложили наркотики в аэропорту Каракаса, отсюда и прозвище. Бедный мальчишка, он не должен был сидеть в тюрьме: тюрьма для плохих парней, а не для дураков.

– Пока нет, не знаю, когда ответят.

– Чертовы адвокаты, – сказал Мигель. Он знал, что именно эти слова хочет услышать каждый заключенный. В тюрьме ведь нет виноватых, а за решетку человек попал только потому, что суд несправедлив.

– Чертовы адвокаты, да. И мой хуже всех.

Никто не говорит об адвокатах больше, чем заключенные. Адвокаты, апелляции, судьи, смягчение приговора – обитатели тюрьмы понимали в законах больше, чем любой гражданин за ее стенами.

Но Мигель Вистас не походил на товарищей по несчастью. В тюрьме каждый старался проводить свободное время в тренажерном зале, качая мышцы, или делал татуировки и особенные стрижки, чтобы подчеркнуть свою крутиз-

ну. Но не Мигель. Он жил по-другому – полный, под сорок, на прогулках по тюремному двору он обычно прохаживался один и больше напоминал отца семейства, который живет в каком-нибудь спальном районе Мадрида и в выходные облачается в купленный со скидкой спортивный костюм.

Как следовало из его дела, Мигель убил девушку чуть старше двадцати, наполовину цыганку, которая собиралась замуж. Преступление было совершено с особой жестокостью: он проделал три отверстия в черепе и засунул туда червей – червей, которые съели ее мозг. Девушка умирала почти неделю, находясь в сознании и мучаясь от страшной боли. Мигель Вистас уверял, что невиновен, что не заслужил тюрьмы, что его привела туда месть цыган. И предпочитал ничего не рассказывать, чтобы новые заключенные не узнали о его приговоре, чтобы об этом забыли. Хотя, когда его спрашивали об этом преступлении, он порой напускал на себя таинственный вид: пусть подумают, вдруг он и правда убийца. В тюрьме такая репутация иногда играет на руку.

– Мне предложил встретиться новый адвокат, – рассказывал он Каракасу. – Не знаю, что ему нужно, я больше никому не доверяю. Я его жду, потому что хочу, чтобы он добился для меня разрешения провести выходные на воле. Знаешь, сколько лет я не выходил отсюда? Семь! Когда выйду, наверное, ничего вокруг не узнаю.

– Да там все так же, как и раньше. Ну я пошел, пока, мне еще надо Грозе Старух бельишко постирать.

– Смотри, чтобы он не услышал, как ты его называешь.

Каракас, как, бывало, и сам Мигель, прислуживал криминальным авторитетам. Грозой Старух за глаза прозвали заключенного, который убил трех пожилых женщин, позарившись на их сбережения. Сокамерник избил его, следуя странным положениям неписаного тюремного кодекса, требующим насилия за насилие. Но Гроза Старух не позволил обращаться с собой как с Каракасом: он убил мстителя за точкой, сделанной из ложки.

– Не переживай, в глаза я зову его «сеньор». Мне не нужны проблемы.

– Если не будешь меня слушать, у тебя точно будут проблемы. Ты же знаешь, я плохого не посоветую. Хотя здесь рано или поздно все равно облажаешься. – Мигель Вистас знал, о чем говорит.

Глава 9

Сарате оставил мотоцикл на Пласа-дель-Рей, около дома Семи дымоходов, по крыше которого по ночам тоскливо кружил призрак любовницы короля Филиппа II, и пошел по улице Баркильо в поисках дома, номер которого был указан в квитанции такси, лежавшей в бумажнике полицейской. Он вовсе не гордился тем, что украл его, но хотел попасть в ОКА, а другого способа не было. Вряд ли он найдет то, что ищет, в этом старом строгом здании, квитанция такси давала лишь слабую надежду, но следовало хотя бы попытаться – он не хотел быть отстраненным от дела, даже не поборовшись.

– На четвертый этаж? Меня не предупредили, что ждут посетителя. Я должен был получить сообщение. Если хотите, свяжитесь с ними по телефону, и пусть они подтвердят. Иначе я не могу вас пропустить. – Для простого швейцара он был чересчур бдителен.

– Я полицейский.

Но и жетон швейцара, похоже, не впечатлил. Сарате так и остался бы ни с чем, если бы вдруг не раздался женский голос:

– Пропусти, Рамиро. Я разберусь. Что тебя сюда привело?

Его догадка оказалась верной, таинственный отдел криминальной аналитики находился здесь, а возглавляла отдел та, что распорядилась его пропустить, – инспектор Элена

Бланко. Сарате с невинным видом показал ей бумажник.

– Ваша сотрудница уронила его в Ла-Кинта-де-Ви-ста-Алегре, я и принес.

– Прекрасно, ты избавишь ее от кучи бумажной работы. Сам знаешь, что такое восстанавливать все удостоверения и кредитные карты. Пойдем, покажу тебе, где мы сидим.

Сарате не ожидал, что так просто попадет в здание. И даже сподобится экскурсии по отделу.

Лифт – маленький, обшитый деревянными рейками, – был втиснут в проем лестничной клетки, изначально на это не рассчитанной. Они стояли в кабине, почти касаясь друг друга, Сарате испытывал страшную неловкость, а она, кажется, ничего не замечала.

– Ты его украл?

Лифт слишком тесный, вопрос слишком прямой, инспектору наверняка было слышно, как у Сарате запрыгало сердце. Отрицать не имело смысла.

– Это был единственный способ найти ОКА. Я тоже хочу заниматься этим делом.

– Почему?

– Это первое убийство на моем участке. Я ждал этого всю жизнь...

Инспектор Бланко ничего не ответила, слышалось только скрежетание лифта. Сарате вдруг засомневался, стоило ли говорить правду; наверное, сейчас, как только они доедут до четвертого этажа, его арестуют. Инспектор поднесла карточ-

ку к считывателю, и дверь открылась. С виду дверь как дверь, но при взгляде на профиль створки Сарате понял: бронированная. Около лифта сидела дежурная.

– Вероника, сделай пропуск младшему инспектору Сарате, он проработает с нами некоторое время.

– Но моя служба... – Решение инспектора застало Сарате врасплох.

– Я это улажу. Пойдем.

Проходя по отделу и увидев Ческу, она остановилась.

– Ну, вот твоя пропажа. Надо быть внимательнее, Ческа: если бы не Сарате, тебе пришлось бы восстанавливать даже удостоверение личности, – сказала она, протягивая бумажник.

– Очень кстати. – Ческа посмотрела на Сарате с явной враждебностью, и, если бы не инспектор Бланко, конфликт, начатый в Ла-Кинте, мог бы продолжиться.

С ней надо держать ухо востро, понял Сарате. Они с Эленой прошли дальше и остановились перед запертой дверью.

– Там родители жертвы. Мойсес и Соня. Несколько лет назад у них убили старшую дочь Лару, теперь убили младшую. Нужно сообщить им эту новость.

– Хотите, чтобы я вас сопровождал? – удивился Сарате.

– Тебе будет полезно увидеть, что убийства – одна из самых жестоких вещей на свете, как бы тебе ни хотелось их расследовать. Страшных подробностей мы им сообщать не будем, просто скажем, что Сусана погибла. Договорились?

– Ясно. Только один вопрос: почему вы меня не отстраняете от дела?

– Мне понравилось, что ты осмелился украсть бумажник у полицейской, которая одним ударом может снести тебе голову. Ты заслужил награду. И наказание: именно ты сообщишь новость родителям. Я спускалась вниз, чтобы выпить граппы перед встречей с ними, но что-то бодрости мне это не прибавило, а желания говорить – и подавно.

Сарате не успел сообразить, что им сказать, как Елена Бланко распахнула дверь.

– Сеньор и сеньора Макайя, простите, что заставили вас приехать сюда. Младший инспектор Сарате сейчас вам все расскажет.

Очень трудно сообщать родителям о том, что их дочь нашли мертвой. Видеть слезы, боль, муку, немой укор. Мойсес, отец погибших дочерей, реагировал бурно, для него это стало ударом в спину. Соня, мать, держалась спокойно, переживая горе молча.

– Обещаю, мы приложим все усилия, чтобы найти убийцу вашей дочери. – После того как Сарате выполнил самую трудную часть задачи, инспектор Бланко снова взяла инициативу в свои руки. Сарате понял, что такова тактика: он сообщает плохие новости, она дает надежду на возмездие.

Глава 10

– Нелегко растить дочь, когда считаешь, что она должна быть свободной, принимать собственные решения и совершать собственные ошибки. – Мойсес говорил медленно, словно каждое слово причиняло ему страдания. – Теперь я сожалею об этом, я должен был воспитывать их в наших цыганских традициях. Я уже ошибся с Ларой, и только я виноват, что и с Сусаной случилось то же самое.

Сарате и Элена сообщили им скудные сведения о смерти дочери, сказали, что речь идет об убийстве, и предупредили, что, пока не придут окончательные результаты вскрытия, они не смогут рассказать, как именно она была убита.

– Она сильно мучилась? – спросила Соня сквозь слезы. – Смерть Лары была ужасной.

– Тот негодяй, который убил ее, все еще в тюрьме. И надеюсь, никогда оттуда не выйдет, – добавил Мойсес.

Инспектор Бланко соблюдала максимальную осторожность: нельзя, чтобы родители жертвы замкнулись, а тем более заподозрили, что смерть их младшей дочери – повторение убийства ее сестры.

– Как я уже сказала, мы дадим вам всю информацию, когда вскрытие будет завершено, а пока нам нужна ваша помощь. Давно Сусана жила одна?

– Чуть больше двух лет. С тех пор, как ей исполнился два-

дцать один. Мы даже на это согласились – чтобы она жила одна, – с горечью сказал Мойсес.

– На что она жила?

– Какая-то работа в службе доставки. Потом она стала моделью для каталогов одежды. – Он явно гордился красотой дочери.

– Иногда я давала ей денег, совсем немного, – уточнила мать, со страхом глядя на Мойсеса; стало понятно, что он этого не знал. – Порой ей трудно было дотянуть до конца месяца.

– Нормально в таком возрасте, – кивнула инспектор: ей хотелось, чтобы Соня не боялась говорить правду, даже если та придется мужу не по нраву. – Мы думаем, что ваша дочь была на девичнике.

– Она должна была выйти замуж в конце месяца, через две недели. Ее жениха зовут Рауль, он мне не нравится, – признался Мойсес. – Занимается какой-то рекламой. Сеньора инспектор, я всякого навидался и знаю, что доверять этому молодому человеку нельзя, он из тех, кто околачивается по барам, ввязывается незнамо во что, а женится не для того, чтобы создать семью, а чтобы заполучить девушку, готовую удовлетворять его порочные наклонности.

– Вы говорили ей это?

– Тысячу раз, и даже больше, так что она перестала с нами разговаривать. Она даже не хотела приглашать нас на свадьбу. Хорошо, что жена поговорила с ней и заставила ее

опомниться.

– Мы считаем, что Сусана пропала в ночь с пятницы на субботу, хотя до сих пор не уверены в этом, мы нашли ее сегодня, и у нас не было никаких заявлений.

– Вы с ней давно разговаривали? – спросил Сарате.

Бланко пригвоздила его взглядом: он не должен был говорить ничего, похожего на упрек, потом она устроит ему взбучку.

Мойсес, как и предположила Элена, посмотрел на Сарате враждебно:

– У вас ведь нет детей, да? Бывают случаи, когда с ними нелегко договориться, нелегко понять друг друга. Это не в первый раз такое. Бывало, мы все выходные, а то и целыми неделями ничего о ней не знали.

– Я разговаривала с ней в пятницу днем. – Соня почти не вмешивалась в разговор, а когда говорила, приходилось напрягать слух. Она выглядела сломленной, и неудивительно: нет более страшной новости для матери, чем та, которую она только что услышала. – Она собиралась на девичник со своими давними подругами. Я хотела, чтобы она не надела ошибок, чтобы хорошо повеселилась, чтобы все прошло гладко.

– Вы знаете, где она собиралась встретиться с подругами?

– Они шли в ресторан, а потом в одно из заведений, где всегда проводятся такие вечеринки. Я не знаю названия, я никогда не бывала в таких местах, – ответила Соня, – но это

где-то на улице Оренсе.

Пока они разговаривали, пока Сарате, пытаясь заработать очки в глазах инспектора, задавал родителям Сусаны вопросы об их дочери, о том, как найти ее жениха, о подругах, которые могли пойти с Сусаной на девичник, Елена Бланко размышляла. В присутствии родителей ей не хотелось вспоминать, как Сусана выглядела на вскрытии, несколько часов назад, с распиленным черепом, полным червей. А хотелось думать о красивой свободолюбивой девушке, какой ее помнят родители. Лица ее Елена пока не видела, поскольку дело с фотографией еще не прислали. Были ли сестры дружны и что общего нашел в них убийца? Была ли какая-то разница в этих убийствах, позволяющая предположить почерк разных преступников, добросовестно ли велось расследование первого убийства, истинный ли виновник сидит в тюрьме? Столько вопросов без ответа! Как обычно, ее ждут бессонные ночи – еще больше бессонных ночей, чем обычно, – пока ответы не найдутся.

– Я не отомстил, убийца моей старшей дочери в тюрьме. Я мог сделать так, чтобы его убили, у меня были на это деньги, а я не сделал, я поверил в ваше правосудие. На этот раз все будет не так.

Элена Бланко не знала, реальна ли его угроза или Мойсес Макайя пытается таким образом заглушить свою боль. Но это интересовало ее меньше всего, убийцу она поймают, а что будет дальше – накажет его государство или отец жертвы, –

ее не касается.

Глава 11

Бруно, танцор из *Very Bad Boys*, прекрасно помнил смуглую девушку в розовой пачке. Ческа оглядела гримерку, где стриптизеры готовились к дневному шоу, и улыбнулась, посмотрев на Ордуньо, который разговаривал с кубинцем. Могло показаться, что это ее напарнику предстоит выступать через несколько минут: мускулы у него были больше, чем у любого из переодевающихся танцоров.

– Она казалась застенчивой, ей было неудобно. Поэтому я приободрил ее, сказал, чтобы не волновалась, ничего страшного. Мы станцевали, закончили наш номер, и она ушла.

Кубинец был симпатичным, очень вежливым, говорил складно и, похоже, был искренне поражен судьбой, постигшей одну из его клиенток, но помочь полицейским мало чем мог.

– Есть девушки, которым очень нравится это развлечение. А другие приходят сюда, только чтобы соблюсти традицию, их обычно подначивают подруги. Та, о которой вы спрашиваете, была скорее второго типа.

– Вы помните подруг?

– Здесь каждую ночь бывают десятки женщин. Нам трудно вспомнить даже тех, кто выходит на сцену, не то что всю публику.

– Мне говорили, что вашу гримерку каждый день посеща-

ет кто-то из девушек, а порой и не одна.

– Да, это случается, но гораздо реже, чем люди думают. Девушка в розовой пачке была не из тех, кто навещает нас после представления. В тот вечер сюда заходила другая девушка, вот ей придется кое-что объяснить своему жениху перед свадьбой, на ней была диадема с резиновым членом.

В примерку вошел еще один танцор, под девяносто килограммов – гора накачанных мышц, – и улыбнулся Ческе презрительно и вызывающе.

– Я буду раздеваться, не испугаешься?

– Нисколько. Маленькие члены я видела и раньше.

– Маленькие? Если хочешь, давай уединимся в одной из примерок.

– Ты думаешь, мне понравится?

– До сих пор никто не жаловался. Я очень нравлюсь таким шлюшкам, как ты.

Танцор положил руку Ческе на зад – то ли не знал, что она полицейская, то ли знал, но решил произвести на нее впечатление. Ордуньо не сразу понял, что происходит, поэтому не смог помешать Ческе заломить танцору руку так, что тот рухнул на колени.

– Ты с ума сошла? – завопил танцор, безуспешно пытаясь вырваться. – Отпусти!

– Ческа, пожалуйста, – вмешался Ордуньо, но без особого энтузиазма.

– Не волнуйся, я просто хочу преподать урок моему прия-

телю, у которого очень шаловливые руки. Во-первых, не надо хватать девушку за задницу без разрешения. Во-вторых, ни одной женщине не нравится, когда ее называют шлюшкой...

Сжав его руку, она продолжала ее выкручивать. Куби-нец смотрел равнодушно, словно видел подобное много раз, словно только и ждал, что раздастся хруст кости. Но Ческа отпустила руку.

– Это тебе урок на будущее.

Ордуньо рассмеялся, когда они вышли на улицу; он уже не в первый раз становился свидетелем подобных выходов напарницы.

– Ты могла ему руку сломать.

– Я даже хотела это сделать. Но если серьезно, меня бесит, что наш визит оказался бесполезным, – огорченно сказала Ческа. – Мы ничего не узнали,

– Мы теперь лучше узнали Сусану, это уже что-то. Она была не из тех, кто ходит на такие вечеринки. Хорошая девочка.

День выдался длинный и непростой; теперь сотрудники ОКА спешили назад на улицу Баркильо. Там их ждали подруги невесты, присутствовавшие на девичнике в *Very Bad Boys*; все – бывшие одноклассницы Сусаны, кроме одной – Синтии.

– Как ты познакомилась с Сусаной?

Синтия была первой, на кого обратила внимание Ческа.

Она не знала почему, возможно, подсказало шестое чувство, то самое, что заставило ее когда-то выбрать профессию полицейского.

– Мы учились вместе на курсах для моделей. – Синтия держалась замкнуто и смотрела в пол, как будто стеснялась своего лица, хотя была очень красивой и с безупречной фигурой модели – высокая, стройная, очень худая. – Сусана бросила их почти сразу, ей там не понравилось, да и ростом она была маловата. Стала сниматься для каталогов супермаркетов, интернет-магазинов и тому подобного. Но мы продолжали дружить.

К разговору подключили остальных девушек, но Ческа по-прежнему внимательно следила за реакцией Синтии. Заводилой у подруг определенно была Марта, она отвечала раньше всех, именно она организовала девичник, она не так остро, как остальные, воспринимала смерть Сусаны и не пыталась притворяться, что сильно горюет.

– Мы были закадычными подружками в школе, а потом просто продолжали встречаться. Больше по привычке: вечеринки, девичники и все такое. Люди со временем сильно меняются, и у нас уже было мало общего.

– Как по-вашему, кто мог желать ей зла?

– Вы уже говорили с ее женихом? Хотя я не думаю, Рауль – хороший парень. Он не был влюблен в нее, но парень он хороший. Если бы не так закладывал за воротник, мог бы, наверное, стать знаменитым кинорежиссером. Ну и про ее

сестру, Лару, хотя Сусана почти никогда о ней не говорила, мы все знали. Мне не кажется случайностью, что обе умерли незадолго до того, как выйти замуж. Вы знаете, что ее отец – цыган? Цыганские свадьбы ведь сильно отличаются от наших. И конечно, семье не нравилось, когда выходят замуж не как цыганки. Но это я так, к слову, – закончила она.

Они допрашивали одну девушку за другой, по отдельности, противоречий не было. Все, кроме Синтии, ушли из *Very Bad Boys* в «Эль Аманте»; потом высадили Сусану из такси около ее дома, а сами поехали заканчивать ночь в местное заведение около площади Алонсо Мартинеса. Значит, нужно будет снова поговорить с Синтией.

– Ты единственная, кто не остался? Куда ты пошла?

– Домой, спать.

– Одна?

– Да, одна... Мне там не понравилось, мне стыдно, что женщины ведут себя так, будто эти парни имеют право делать с ними все, что хотят. Это так убого, они наряжались пожарными, полицейскими...

Ческа считала так же, как Синтия, ей бы и в голову не пришло зайти в такое место. Ордуньо помалкивал, внимательно слушая вопросы напарницы и ответы Синтии.

– Почему тогда ты пошла на девичник?

– Не хотела бросать Сусану. Теперь я очень раскаиваюсь, что ушла.

Синтия расплакалась – единственная из всех подруг Су-

саны. Ческа не умела утешать, она предоставила это Орду-
ньо. Девушке разрешили уйти, предупредив, что скоро по-
говорят с ней снова.

– Что скажешь? – спросила она напарника, когда они по-
садили Синтию в такси.

– Что они состояли в близких отношениях.

– Все вы, мужчины, думаете, что две красивые женщины
обязательно должны быть в близких отношениях.

Ордуньо пожал плечами.

Глава 12

Ческе совсем не нравилось, что Сарате будет работать с ними, и она не собиралась этого скрывать, но возмущаться не смела: все знали, что с Эленой можно спорить о чем угодно, что можно даже убедить ее и настоять на своем, но, если она отдала приказ, оставалось только подчиниться.

– Я – в квартиру жертвы, со мной Сарате. Вы – в дом жениха, без всякого предупреждения; посмотрим, как он отреагирует, – распорядилась инспектор.

Закончилось совещание, второе за этот день. Буэндиа сообщил свежие данные о вскрытии, в которых пока не появилось ничего особенно нового; Ческа с Ордуньо поделились впечатлениями о Синтии. Самое интересное оказалось у Марьяхо.

– Последние сообщения с телефона Сусаны Макайи отправлены Синтии. Она просит не сердиться на нее. Синтия ответила только на следующий день и попросила прощения за то, что вела себя как душила. Во всяком случае, я так поняла, потому что во всем сообщении ни единой гласной...

– А тебе не показалось, что это разговор влюбленных? Ордуньо уверен, что у них была любовная связь, – усмехнулась Ческа. – Фантазии у него такие.

– Синтия о подруге говорила таким тоном... Это не фантазии, – возразил Ордуньо.

– Это разговор хороших подруг, не более того. Хотя совсем исключать любовную связь не стоит, сообщения очень личные. На самом деле переписка была удалена несколько дней назад. И фотографии тоже, с симки они стерты неделю назад; как только получу доступ к облаку, смогу сказать больше.

– Есть что-нибудь в соцсетях?

– Сусана была не очень в них активна. Ни «Твиттера», ни «Инстаграма» у нее не было, в «Фейсбуке⁶» она завела аккаунт, но почти не использовала.

– Проверь жениха и Синтию. Посмотрим их активность в сетях. А ты, Буэндиа, постарайся вытянуть побольше из энтомолога, чтобы сдвинуться с места. За работу, встречаемся завтра с самого утра и собираем воедино все, что узнаем.

– Это ваша?

Изумленный Сарате уселся в красную «Ладу-Риву» инспектора Бланко.

– Единственная машина в моей жизни, классика. Но придется ее менять: все труднее найти механика, способного привести ее в порядок.

Это было неправдой, «Лада-Рива» была не единственной ее машиной; на автостоянке под домом, которую охранял Диди и которая была свидетелем исполнения ее фантазий, стоял «Мерседес-250», седан жемчужно-серого цвета, купленный для путешествий, но еще ни разу никуда не выезжав-

⁶ Запрещены в Российской Федерации.

ший. «Лада» была ее любимицей, по Мадриду Элена разъезжала только на ней, и сегодня с утра тоже выехала из дома в Ла-Кинта-де-Виста-Алегре на этой жемчужине советского автопрома.

Найти парковку в районе Лавапьес, недалеко от улицы Министрилес, где находилась квартира Сусаны, было нереально. Они бросили машину на погрузочно-разгрузочной площадке, но Элена не переживала: Рентеро позаботится о том, чтобы городская полиция не оформляла штраф, если он будет выписан.

Здание было старинное, вернее, старое. Сусана жила на третьем этаже без лифта, куда они поднялись по узкой лестнице. Ордер на обыск они получили, но копии ключа не было – а консьержа в подъезде не оказалось. Криминалисты еще не пришли, оставалось одно: открыть дверь самостоятельно.

– Отмычками владеешь – или вызовем слесаря?

– Я спец, – похвастался Сарате.

Он управился быстрее, чем она бы открыла дверь ключом; всего через несколько секунд они вошли в квартиру Сусаны.

– Все в полном порядке. Ясно, что увезли ее не отсюда. Ее наверняка схватили, когда она вышла из такси, которое потом уехало с девушками к площади Алонсо Мартинеса, или около подъезда.

– Может, она решила пойти куда-то, прежде чем вернуться домой?

– Возможно.

Квартира была небольшой: гостиная с мини-кухней, спальня и ванная с душевой кабиной. На стене в гостиной висела репродукция: блондинка, обнаженная по пояс, на заднем плане высятся серые здания. Элене не потребовалось подходить к картине, чтобы определить автора.

– Это Тамара Лемпицка. Польско-мексиканская художница. Сусане нравились такие картины. Мне они тоже нравятся.

– Вы разбираетесь в живописи?

– Во-первых, расскажи о себе, Сарате, я просила тебя об этом уже несколько раз, в следующий раз я тебя просто арестую, – ответила она. – Нет, в живописи я не разбираюсь, но была в доме-музее Лемпицкой в Куэрनावаке, в Мексике. Не нужно много понимать в живописи, чтобы опознать ее картину.

Оказалось, что это очень неприятно – осматривать жилище умершего человека, тем более войти туда первым. Дом ждет хозяина, а не чужих, а теперь чужие глаза смотрят на то, что хозяин, возможно, хотел бы скрыть, что постыдился бы показывать другим: бумаги, фотографии, журналы, книги, даже секс-игрушки. Но в квартире Сусаны не было ничего, что могло бы привлечь внимание.

– Тебе это не кажется странным? Мы словно в номере отеля. Но ведь у каждого человека должны быть секреты. – Элена, пока Сарате занимался обыском, рассматривала квартиру, стараясь ничего не трогать. Единственное, что ее заинте-

ресовало, это фотография девушки, похожей на жертву, вероятно сестры, Лары. Фото лежало в ящике стола: избавиться от него, похоже, не решались, но и смотреть на него каждый день тоже не хотели. – Как ты думаешь, кто-то мог прибратся в доме к нашему приходу?

– Нет, – ответил Сарате. – Марьяхо сказала, что и фотографии с мобильного телефона были удалены, значит, Сусана хотела, выходя замуж, начать жизнь с чистого листа.

Пожалуй, Сарате прав, решила Елена. Вряд ли Сусану схватили здесь. Видимо, к себе девушка подняться не успела.

Сарате вышел из спальни со старым ноутбуком в руках; им займется Марьяхо.

– Компьютер есть, но нет роутера. Но сейчас интернет проведен всюду, он есть даже у моей мамы. Она в самом деле здесь жила?

– Посмотрим, что Ческа и Ордуньо расскажут о доме ее жениха. Возможно, она жила там, а эту квартиру только поддерживала в порядке, чтобы приходить сюда время от времени. Криминалисты уже в пути, надеюсь, они найдут что-нибудь еще, что нам нужно знать.

В эту минуту Елена даже не предполагала, что очень скоро они будут знать все о жизни Сусаны.

– Мне нужна граппа. Ты идешь?

Глава 13

Жилье Рауля было совсем не похоже на квартирку Сусаны. Он жил на одной из улиц позади музея Прадо, из тех, что ведут в Ретиро – район Мадрида, напоминающий Париж. Квартира располагалась на верхнем этаже здания, углом выходящего на улицу Альфонса XII, и из окон открывался потрясающий вид на парк; отсюда наверняка было видно одну из башен, на которые Ческа с завистью смотрела каждое утро, пробегая свои два круга по парку. Здесь могли жить только люди с деньгами.

– Рауль Гарседо? Полиция.

– Полиция? Что случилось?

– Не возражаете, если мы войдем?

– Я занят. У вас есть ордер?

Рауль явно не хотел их впускать, но Ордуньо пригрозил:

– Нет, мы без ордера, но, если хотите, мы получим его и посмотрим, что вы пытаетесь скрыть. Пока мы пришли поговорить с вами о вашей невесте, Сусане Макайе.

– С ней что-то случилось?

Рауль наконец впустил обоих полицейских. Гостиная оказалась еще роскошнее, чем они ожидали: стильный и дорогой черно-белый декор, особенно впечатляли акустические колонки *BeoLab 90 Bang & Olufsen*, ценой больше среднего автомобиля. Стоило включить звук на полную мощность, и

спортсмены в парке бегали бы под музыку; как гласила реклама, более мощный звук можно услышать только на стадионном концерте у самой сцены.

– Прежде чем начать разговор, я бы предпочла, чтобы вы это убрали. – Ческа смотрела на него с презрением.

На столе белела кокаиновая дорожка, рядом лежала кредитная карточка, которой ее ровняли, и трубочка, похоже серебряная. К удивлению полицейских, Рауль невозмутимо втянул дорожку и сбросил все остальное в ящик стола, задвинув его тыльной стороной руки.

– Убрано. Скажите, что с Сусаной. Я ничего не знаю о ней с пятницы. Она собиралась на девичник.

– Вы не пытались с ней поговорить?

– Вчера я звонил ей на мобильный, но она не брала трубку. Я подумал, что она перезвонит сегодня.

– Вы женитесь через пару недель. Разве это нормально, что вы разговариваете не каждый день? – спросила Ческа.

– Полагаю, полиция явилась ко мне домой не для того, чтобы узнать, как я веду себя с невестой и разговариваем ли мы с ней каждые десять минут. Объясните, зачем вы пришли.

Ческа с самого начала испытывала антипатию к Раулю и почти желала, чтобы он оказался виновником смерти девушки. Без всяких обиняков она сказала:

– Сегодня утром тело Сусаны Макайи нашли в садах Карабанчеля.

– Что?

Изумление Рауля не выглядело притворным, но это ничего не значило, любое чувство можно симитировать.

– Ее убили. Мы просим вас оказать содействие.

– Конечно, о чем бы вы ни попросили. – Он сразу занервничал. – Надеюсь, вы не подозреваете, что я...

– В деле об убийстве мы всегда подозреваем партнера жертвы; к сожалению, это подозрение часто оправдывается. Вам придется пойти с нами.

– Я арестован?

– Нет, конечно. Мы не арестуем вас, если для этого не будет причин. Если бы речь шла об аресте, мы бы попросили вас позвонить адвокату. Нет, мы просто хотим, чтобы вы рассказали нам о Сусане Макайе.

Они забрали компьютер, «Мак» стоимостью более двух тысяч евро, чтобы Марьяхо могла его исследовать, и попросили Рауля проехать с ними в отдел. Ему не сказали, что домой он сегодня не вернется, а заночует в приемной, потому что инспектор Бланко начнет его допрашивать только завтра утром, когда он будет совершенно разбит, когда кокаин перестанет действовать и когда ему захочется обменять свои бесценные стереоколонки на обычный душ. Только тогда Рауль расскажет им все, что они хотят знать.

Глава 14

Инспектор Елена Бланко привела Анхеля Сарате в бар на улице Уэртас. Это был караоке-бар *Cheer's*, куда она ходила постоянно.

– Караоке?

– Ты бывал в караоке?

– Один раз, с друзьями, больше десяти лет назад...

Войдя, он сразу заметил, что инспектора там все знают: с ней здоровались официанты, некоторые из присутствующих махали ей рукой, даже посетитель на сцене, который в это время исполнял песню из репертуара *Mocedades*, увидев ее, подмигнул.

– Вижу, вы суперпопулярны.

– Я часто бываю тут с воскресенья по четверг. По пятницам и субботам здесь только туристы и алкаши, а в будни собираются те, кто любит петь.

Сарате озирался по сторонам, не в силах понять, что такого нашла Елена в этом баре: пожилые люди, микрофон, экран с текстами дурацких песен, мужчина, похожий на чиновника, поет о женщине, которую другие женщины считают сумасшедшей. Официант, улыбаясь, подошел к ним.

– Не ждал тебя сегодня, Елена. Ты слишком поздно ушла вчера...

– А сегодня не дай мне остаться до конца. Один час, и я

ухожу.

– Тебе как обычно?

– Да.

– А сеньору?

– Пиво, бутылочку «Maу», – поспешил сказать Сарате.

Элена могла многое понять про человека по тому, что он пьет, и гордилась этим умением, но про человека, выбравшего бутылку «Maу», она не понимала ничего. Разве только что он мадридец.

– Что значит «как обычно»? Граппа? – спросил он.

– Да, но какая именно граппа, зависит от времени суток. Ближе к ночи мне нравится стравеккья, выдержанная в деревянных бочках два-три года.

– Советская машина, граппа, караоке... Ничего не скажешь, вы своеобразны, инспектор.

– Ты еще ничего обо мне не знаешь. И мы пришли сюда работать. Скажи, что необычного ты заметил в квартире Су-саны?

В присутствии инспектора Сарате чувствовал себя напряженно и старался держать ухо востро; он не смог ничего добавить к тому, что они уже обсудили: что в квартире поразительно мало личных вещей, не считая одежды, и что там нет роутера.

– Больше ничего?

– Ничего. А что увидели вы?

– Мало, как и ты. Есть ощущение, что квартиру зачисти-

ли. Но кое-что все-таки привлекло мое внимание.

Элена рассказала о картине Лемпицкой, которая могла что-то значить, о фотографии Лары в ящике стола и о магните на холодильнике с точно такой же бабочкой, как на табуировке у Сусаны.

– Это мало, но все же. Мы все равно найдем того, кого ищем.

– А если нет?

– Отдел всегда находит, просто не надо слишком спешить. Не забывай, у нас всегда есть преимущество перед убийцей. Мы можем двадцать раз ошибиться, но попав в точку один раз, мы его тотчас раскроем. А ему может повезти двадцать раз подряд, но стоит хоть раз ошибиться, и мы его поймаем. Чистая статистика.

Сарате слушал бы ее и слушал, но тут по громкой связи объявили:

– Элена!

– Моя очередь.

Она вышла на сцену и взяла микрофон, ее приветствовали аплодисментами, зазвучала музыка.

– *Suona un'armonica, mi sembra un organo, che vibra per te, per me, su nell'immensità del cielo*⁷.

Сарате не любил такую музыку; Мину он никогда и не слышал, единственной итальянской певицей, которая ему

⁷ Звучит гармоника, а мне кажется, это орган поет для тебя и для меня в необъятности неба (*итал.*).

правилась, была Рафаэлла Карра. Однако приходилось признать, что инспектор поет очень хорошо: она смогла его удивить – еще больше, чем граппой и «Ладой». Когда Елена закончила, со сцены ее проводили шквалом аплодисментов. Тут же подошел официант с рюмкой очищенного агуардьенте.

– Это за счет заведения, с каждым днем ты поешь все лучше, Елена.

Они заговорили о Сарате: тот родился в Бильбао, в семье полицейского, отец погиб на посту, когда Анхель был еще маленьким. Потом жил в Мадриде; прежде чем поступить в полицию, изучал право... О себе Елена не рассказывала, отделяясь общими фразами.

– Подожди, – вдруг сказала она, – послушай, сейчас будет петь Адриано.

На сцену вышел мужчина лет шестидесяти. От протянутого микрофона он отказался.

– Послушай его. Если бы Адриано захотел, Паваротти, Каррерас и Пласидо Доминго зарабатывали бы на жизнь пением в метро.

– Шутите? – засмеялся Сарате.

– Немного, но поет он потрясающе.

Микрофон Адриано и правда был не нужен: его и так было слышно в самых дальних уголках бара.

– *Nessun dorma! Nessun dorma! Tu pure, o Principessa, nella tua fredda stanza, guardi le stelle, che tremano d'amore e di*

speranza!..⁸

Все неистово аплодировали, включая Сарате, который бил в ладоши больше для того, чтобы не выглядеть белой вороной: он понимал, что собравшимся здесь людям дано воспринимать то, к чему он совершенно глух.

– У тебя есть машина? – спросила Элена, словно пение Адриано задело в ней какую-то струну.

– Нет, только мотоцикл.

– Тогда пойдем ко мне.

⁸ Спать не должно! Спать не должно! Ты тоже, о принцесса, в своем чертоге хладном смотришь на звезды – в сиянье их мерцают любовь с надеждой... (*итал.*) – Ария принца Калафа из оперы Пуччини «Турандот».

Глава 15

Проснувшись сегодня утром в карабанчельской квартире, которую он делил с двумя другими полицейскими, Сарате и представить себе не мог, что закончит день в центре Мадрида на Пласа-Майор, где мечтал жить, наверное, любой испанец.

– Выпей что хочешь, я – в душ.

Когда инспектор Бланко исчезла в коридоре, он выглянул в окно на площадь, куда столько лет подряд приходил с мамой покупать фигурки для виффлеемского вертепа; в сущности, это было не так уж давно. Без отца Рождество так и не стало настоящим праздником. На балконе за выступом была видеокамера – он заметил красный огонек. Может, ее установили городские власти, а может, охранная фирма. Надо будет спросить.

Выйдя из караоке-бара, они отправились за «Ладой», поставили ее на подземную стоянку, и тут у Сарате не осталось сомнений насчет дальнейшего: Елена села ему на колени и начала его целовать.

– Тебе нужен внедорожник, большой, – сказала она.

Потом они поднялись в квартиру, то и дело останавливаясь на лестничных площадках и целуясь, и вошли в элегантную гостиную, в которой он стоял сейчас. Если бы сегодня утром ему предложили поставить зарплату на то, что он за-

кончит день в постели с одной из сотрудниц ОКА, он выбрал бы Ческу не потому, что она ему больше нравилась, отнюдь, а потому, что она была самой вредной в отделе, а Сарате нравилось, когда судьба бросала ему вызов. Но с начальницей-то оно лучше, и намного.

– Ты все еще в одежде? Снимай.

Инспектор Бланко вышла из душа голая и попросила – вернее, приказала – Сарате раздеться, но времени на это не оставила. А повела его в спальню, раздевая на ходу.

Спальня тоже оказалась большой, с кроватью двухметровой ширины и такой же длины и с минималистичной обстановкой, как и в остальной квартире. В изголовье висело большое полотно с изображением обнаженной женщины, совсем не похожее на картину той художницы, польской или мексиканской, о которой они говорили в доме Сусаны. На этой, куда более реалистичной, лица женщины видно не было, однако Сарате невольно спросил себя, не инспектор ли это.

– Хочу предупредить: то, что сейчас происходит, ничего не значит. Завтра я буду инспектором, а ты участковым полицейским, прикомандированным на несколько дней в мой отдел. И все, больше ни на что не рассчитывай. Если не устраивает, вставай и уходи.

– Все нормально.

Разговор на этом закончился. Дальше были только стоны, шепот, прерывистое дыхание. На ее животе белел шрам от кесарева сечения; Сарате не мог представить Элену Бланко

матерью, и ничто в этом доме не наводило на мысль о еще одном жильце. Или он не заметил каких-то деталей, ему не хватило наблюдательности, как в квартире убитой девушки.

В постели инспектор была абсолютно раскованной, ничто не казалось ей недопустимым, все доставляло удовольствие. Сарате переживал, ему не хотелось показаться плохим любовником, не хотелось разочаровать свою начальницу, словно это закрыло бы ему дорогу в ОКА. Но она быстро достигла оргазма, потом еще и еще, а когда все закончилось, прижалась к нему, как будто в поисках защиты.

Когда она уснула, Анхель осторожно, чтобы не потревожить ее, поднялся и голый, как был, пошел в гостиную. Огляделся – никаких фотографий, ничего, что указывало бы на сына или дочь инспектора. Все выглядело очень дорого: кожаный диван, мебель из хорошего дерева, он мог поклясться, что на стенах висят подлинники, не было ни одной вещи, купленной в торговом центре или на блошином рынке. Он снова выглянул на Пласа-Майор: в этот час она была почти пуста, если не считать единственного прохожего, поспешно пересекавшего площадь. Красный огонек камеры по-прежнему мигал.

– Не спится?

Инспектор в легком халате вошла в гостиную.

– Прости, хотелось полюбоваться ночной площадью.

– Думаю, тебе лучше уйти.

– Я не хотел тебя беспокоить.

– Ты меня не беспокоишь, просто мне не нравится, когда кто-то бродит по квартире ночью. На самом деле я вообще не люблю, когда кто-то входит в мой дом. – Это было ее убежище, оно принадлежало ей одной. – Я не помешаю, если подожду, пока ты оденешься?

– Можно спросить, что это за огонек на балконе?

– Ничего особенного. – Вдаваться в объяснения она не стала.

В дверях они не поцеловались, инспектор протянула ему руку.

– До завтра, Сарате.

Когда он вышел, Елена пошла было спать, но вспомнила, что с воскресенья не просматривала снимки, сделанные камерой на балконе, хотя старалась не пропускать ни одного дня.

Она приноровилась просматривать по двадцать пять фото за раз и тут же удалять. Иногда, правда, сохраняла какое-нибудь понравившееся: целующаяся пара, ребенок с воздушным шаром, женщина с необычной внешностью. Но до сих пор ей не попалось то, что она искала: лицо, изуродованное оспой, которое она видела один-единственный раз, всего пару секунд, восемь лет назад. Она боялась, что забудет его и не сможет узнать, когда наконец увидит снова.

Глава 16

Со своим напарником Костой Сарате каждое утро встречался в баре «Ла Реха», напротив полицейского участка Карабанчеля. Там перед началом рабочего дня они пили латте и ели чуррос.

– Я уже думал, ты решил не завтракать.

– Меня не будет несколько дней: инспектор Бланко попросила меня подключиться к ОКА, пока идет расследование убийства девушки, и комиссар согласился. – Сарате ждал, что Коста разозлится, подумает, что его обошли, но нет, он широко улыбнулся и сказал:

– Ну и хорошо, из первых рук узнаешь все, что они накопают. А ты знаешь, кто вел расследование убийства ее сестры? Сальвадор Сантос.

Сарате кивнул, услышав имя своего наставника. Сальвадор Сантос был хорошим полицейским, одним из лучших, несомненно, следствие велось добросовестно и вину осужденного удалось убедительно доказать. Сальвадор Сантос одно время был напарником Косты, а до этого – напарником Эухенио Сарате. Они были вместе в тот день, когда отец Анхеля погиб в перестрелке с грабителями. Именно Сальвадор позвонил его жене и сообщил ей страшную новость. С тех пор он опекал Анхеля, стал ему, можно сказать, вторым отцом. Когда Анхель, получив юридическое образование, не

знал, куда податься, именно Сантос посоветовал ему поступить в полицию, помог там освоиться и свел с лучшими специалистами, в том числе со своим бывшим напарником Костой. С тех пор как Сантос вышел на пенсию лет шесть тому назад, Сарате каждое воскресенье ел у него великолепную паэлью, которую готовила его жена Асенсьон. И с грустью наблюдал, как болезнь Альцгеймера постепенно уничтожает память человека, которым он всегда восхищался и которого ценил выше всех остальных. Сантос узнавал Анхеля и радостно ему улыбался, иногда даже казалось, что болезнь отступила и он совсем прежний, но разговор их с каждой неделей становился все бессвязнее. Сарате понимал, что того Сальвадора Сантоса, которого он знает, скоро не станет.

– Коста, с расследованием что-то не так? Я же вижу.

– Болезнь у Сальвадора диагностировали только в последние годы, но симптомы появились давно, задолго до того, как он ушел на пенсию, – ответил Коста. – Это меня и беспокоит. Не позволяй никому запятнать его имя, Сарате. Ты знаешь, он был отличным полицейским, намного лучше, чем эта твоя инспекторша с киношной внешностью.

Когда Сарате вошел, Элена Бланко даже не взглянула на него, как будто и не было минувшей ночи. Отдел собрался в переговорной. Сарате уже знал в лицо всех сотрудников: судмедэксперта Буэндиа, компьютерного эксперта Марьяхо, оперативников Ордуньо и Ческу, ну и, конечно, Элену, главу отдела, который работал как хорошо смазанный механизм.

Первым заговорил Буэндиа. У него уже был полный отчет о вскрытии, и он вручил каждому копию. Но на бумаги никто даже не взглянул, все ждали объяснений.

– Прежде всего, должен сказать, что *modus operandi* совпадает с описанным в деле об убийстве старшей сестры. Я взял протокол вскрытия Лары Макайи и не нашел существенных различий.

– Тот же убийца? – Голос Элены даже на оперативном совещании звучал так же приятно, как в караоке.

– Это вам виднее, но я склонен думать, что да. В розданных документах есть и отчет о вскрытии сестры. Она умерла мучительной смертью – от миаза. Сейчас я объясню, что это такое. – Буэндиа подошел к проектору, и на стене появилось изображение личинки. – Познакомьтесь – *Cochliomyia hominivorax*. Безобидная муха. Но ее личинка питается живыми тканями. В основном скота, но также и людей.

Буэндиа горделиво улыбался. Работал он с увлечением, не задумываясь о том, насколько чудовищными могут оказаться результаты его исследований. Он делился ими с таким смаком, будто расписывал отличный ресторан, который посетил накануне.

– Эта муха обитает в тропиках, но ее не раз обнаруживали в Европе, куда она попадала, скорее всего, со скотом, поставляемым с другого континента. Например, во Франции личинки этой мухи были обнаружены в ране на ухе собаки.

– Это те самые черви, которых нашли в голове у Лары? –

спросила Бланко.

– И у Лары, и у Сусаны.

– Как это было сделано?

Вопрос задала Ческа. Как ни хотелось ей казаться крутой, она не смогла сдержать гримасу отвращения.

– Есть только два способа, – объяснил эксперт. – Либо поместить самку мухи в голову жертвы, чтобы она отложила там яйца – тогда дополнительное время ушло бы на инкубацию. Либо поместить туда живых личинок, чтобы они сразу взялись за дело. Учитывая степень разрушения мозговой ткани, я склоняюсь ко второму.

– Убийца запускал живых личинок в головы жертв? – спросила Марьяхо. – Я правильно понимаю?

– Да, именно так. А личинки эти прожорливы. Их называют червями-бурильщиками. Они уничтожают все ткани, которые встречаются на своем пути.

– Я бы предпочла вшей, – сострила Ческа.

– Видно, что у тебя нет детей, – возразил Буэндиа.

Обмен шутками пресекла Елена.

– А здесь можно разводить этих червей? – сурово спросила она.

– Без проблем, если создать определенную температуру и влажность, – ответил судмедэксперт. – Идем дальше. Вот как они поработали в голове Сусаны.

На следующем изображении было то, что Елена уже видела в прозекторской: открытый череп жертвы. Внутри сотни

червей, которые съели все его содержимое.

– Черт возьми, Буэндиа, какая гадость, – проворчал Ордуньо.

– Не хочешь смотреть на гадости, займись дизайном интерьеров. А мы – полицейские, наша работа – разгребать дерьмо, – усмехнулся судмедэксперт. – Червей, или, точнее, личинки, поместили в мозг через три отверстия, сделанные стоматологическим электробуром.

Буэндиа продолжал, стараясь объяснять научные термины простыми словами: черви-бурильщики способны атаковать любое теплокровное существо, включая людей. Личинки начинают питаться живой тканью, едва попав в рану, и, соответственно, ее расширяют.

– И самое страшное: не обязательно, чтобы хозяин был мертв. То есть Сусана, как и ее сестра несколько лет назад, была жива все время, пока длилась эта пытка.

На лицах слушателей читалось отвращение, боль и желание отомстить.

– Мы поймаем убийцу, – пообещала Елена.

Настал черед Ордуньо и Чески, которые накануне доставили в отдел Рауля, жениха погибшей.

– Он ждет в приемной. Вчера держался очень самоуверенно, – сообщила Ческа. – Но ночевка на стульях наверняка сбила с него спесь.

– Очень хорошо. Есть что-нибудь, что нам стоит о нем знать?

– У него водятся деньги и есть долги. Живет в офигенной квартире с видом на Ретиро. Нюхает кокс. И непонятно, зачем он собирался жениться, – он не пролил ни слезинки с тех пор, как мы сообщили, что его невеста погибла.

– У него в компьютере больше фильтров безопасности, чем у Дональда Трампа, хотя это не очень хороший пример, у Дональда Трампа их меньше, чем у моих внуков.

– У тебя нет внуков, Марьяхо, – засмеялась инспектор. – Но ты все-таки сможешь взломать его?

– Конечно, но это займет какое-то время.

– Тогда мы пока с ним поговорим. Сарате, пойдём со мной. Если появится что-то новое, сообщите мне. Ческа, Ордуньо, я хочу, чтобы вы посидели над отчетом, который дал Буэндиа. Вы нашли камеры около дома Сусаны?

– Их было две. Нам скопировали записи, сейчас будем просматривать, – сказал Ордуньо.

– Замечательно. Если будут новости, немедленно зовите меня.

Ческа проводила Сарате неприязненным взглядом.

Глава 17

– Вы не имеете права меня здесь удерживать! Это произвол! Я буду на вас жаловаться!

Инспектор привыкла к такой реакции задержанных и понимала, что они правы и что она сама в подобной ситуации тоже кричала бы, жаловалась и угрожала. Ей не нравилось, как они поступают с Раулем, у которого только что убили невесту, но другого выхода она не видела.

– Вас никто не удерживал, вы могли уйти в любой момент. Сами видите, это не полицейский участок, а полицейское подразделение; если бы мы хотели вас арестовать, то посадили бы в камеру. А здесь даже дверь не запирается.

– Я уйду.

– Ваш уход наведет нас на мысль, что вам не хочется, чтобы мы нашли убийцу Сусаны. Нам может показаться, что вы хотите помешать расследованию, и мы станем вас подозревать. Так что советую остаться и ответить на наши вопросы.

Тон инспектора удивил Сарате: очень вежливый и в то же время очень твердый. Исключающий возможность ухода.

– Мне до сих пор ничего не рассказали о смерти Сусаны, – в последний раз возмутился Рауль.

– Мы не хотим, чтобы эта информация распространялась. Знаете ли вы о смерти Лары, старшей сестры вашей невесты?

– Я знаю, что ее убили, не более того.

– Не похоже, чтобы у вас были доверительные отношения с невестой.

– Не все помолвки одинаковые.

Мало-помалу, несмотря на уклончивые ответы Рауля, инспектор вытянула из него сведения, которые хотела получить: они не созванивались ежедневно, последний раз говорили в пятницу днем, когда Сусана собиралась на девичник, и он решил, что у нее жестокое похмелье и поэтому она не выходит на связь.

– Когда вы видели Сусану в последний раз?

– В среду или четверг, не помню, нет, да, в четверг. Мы поужинали в «Амазонико», на улице Хорхе Хуана, потом я предложил там же выпить, но она предпочла, чтобы мы поехали домой. Мы и поехали.

– Она осталась ночевать?

– Нет, мы занимались любовью, потом она уехала к себе. Она предпочитала ночевать дома. К тому же с утра мне надо было на работу, мы собирались обсудить предстоящую запись рекламы йогурта.

– Что вы делали в пятницу вечером?

Рауль занервничал еще больше.

– Не знаю, вы же не подозреваете меня? Ерунда какая-то...

Элена Бланко безжалостно повторила вопрос:

– Что вы делали в пятницу вечером?

Рауль не успел ничего ответить, когда в дверь заглянула

Марьяхо.

– Разрешите, инспектор, это важно!

Элена и Сарате вышли в коридор, Рауль остался один, пытаясь вспомнить, что делал в пятницу, а может, выдумывая алиби.

– Мне удалось взломать компьютер жениха. Я еще не просмотрела и десяти процентов файлов. Но знаете, на что наткнулась сразу?

Упрашивать Марьяхо не пришлось: она тотчас показала несколько фотографий. Элена и Сарате узнали кровать – они видели ее вчера в спальне квартиры на Министрилес. Снимки были сделаны издалека, вероятно, с помощью камеры, оснащенной мощным телеобъективом.

– Ордуньо не ошибся, они были в отношениях. Попроси привезти Синтию прямо сейчас, я с ней поговорю.

Прежде чем вернуться в допросную, инспектор задумалась.

– Они были близки, Рауль узнал об этом и убил свою невесту? – спросила она. – Не слишком оригинально, но, может, все именно так и было.

– Убил с помощью червей? Не думаю, – ответил Сарате.

Элена согласилась, но у Марьяхо оказалось кое-что еще.

– В компьютере целая папка с информацией об убийстве старшей сестры Сусаны. – За несколько минут Марьяхо смогла выяснить намного больше, чем ожидала.

– Вероятно, у него был доступ к делу о смерти ее сест-

ры, и ему казалось, что убить Сусану таким же образом – это способ отвести подозрения от себя. Но нет, я тоже не думаю, что кто-то, разозлившись, станет убивать невесту с помощью червей, ведь это нужно подготовить, на это нужно время. Кроме того, он давно знал о связи Сусаны с подругой, и это явно возбуждало его.

– А если убийца – Синтия? – предположил Сарате. – Она любила подругу, а та собралась замуж за другого. И Синтия решила не допустить этого брака.

– Я скажу тебе то же, что сказал мне ты, – неуверенно ответила Элена. – Убила с помощью червей? Неужели она стала бы так тщательно готовиться?

– Да, пожалуй. Мы сообщим Раулю, что знаем о его невесте и Синтии?

– Нет, пусть он сначала расскажет, что делал в пятницу.

Когда они вернулись, Рауль уже не казался агрессивным; теперь он выглядел подавленным и встревоженным.

– В пятницу я ничего не делал. Я остался дома.

– Ну надо же, – саркастически усмехнулась инспектор. – Мне показалось, что вы не из тех людей, кто часто ночует дома.

– В пятницу как раз ночевал.

– Вы смотрели телевизор? Заказывали пиццу?

– Нет, я не помню, чем занимался. Читал, слушал музыку...

Инспектор постоянно что-то записывала – ни Рауль,

ни Сарате не знали что. На самом деле она не писала ничего важного, это был психологический прием: если делать заметки, допрашиваемый решит, что она знает больше, чем показывает, что он случайно сказал то, чего не должен был говорить.

– Давайте еще раз вспомним убийство Лары, сестры вашей невесты. Что вы об этом знаете?

– Ничего, ничего не знаю.

В голосе инспектора зазвучал металл:

– Однако в вашем компьютере есть папка со скриншотами статей.

Рауль понял, что положение ухудшается с каждой минутой. Пришло время говорить правду.

– Если честно, Сусана не хотела со мной это обсуждать. Но я мечтал стать кинорежиссером, мне пришло в голову, что мог бы получиться сценарий...

– Инспектор! – в дверь заглянула Ческа.

Инспектор и Сарате снова вышли. Ческа показала несколько изображений на планшете.

– Это с камеры наблюдения на площади Тирсо де Молины. Вот жених Сусаны, Рауль Гарседо. Это ночь с пятницы на субботу, три часа ровно.

Это был он, без всяких сомнений. Он шел по улице Министрилес, где жила его невеста.

– Ого! Похоже, он все-таки не остался дома. Подготовьте ордер. Рауля Гарседо мы задерживаем.

Часть вторая

Пусть это будет любовь

*Пусть это будет любовь,
любовь настоящая – то, что я чувствую,
что заставляет меня думать о тебе.
И пусть мне удастся сказать,
что люблю тебя до последнего вздоха,
я знаю – именно этого ты от меня ждешь⁹.*

Мальши сидел на полу и разглядывал место укуса. Выглядело оно плохо. Кровь свернулась, а вокруг на весь подъем стопы расплылось темное пятно. Боль была дергающая, как от ритмичных ударов током.

При дневном свете сарай выглядел обитаемым. Белела стиральная машина, под длинной книжной полкой выстроились в ряд ящики. Мертвая собака с высунутым языком словно дразнилась. В ее тело упиралась лопата. Лопата.

Мальчик встал, взял ее. Ударил несколько раз в дверь. Лопата была тяжелая, лучше использовать ее как таран. От двери отлетела щепка и попала ему в глаз. Мальчик заморгал. В ярости ударил лопатой по двери еще несколько раз. Лопата вырвалась у него из рук и ударила по раненой ноге.

⁹ Начало песни на слова Антонио Амурри *Vorrei che fosse amore*, входившей в репертуар Мины (Анны Мадзини).

Он упал и лежал, съезжившись, прислонившись спиной к двери. Потер глаза, щепка никуда не делась, он почувствовал невыносимое жжение. И снова заплакал.

Надо было обследовать коробки, поискать какой-нибудь инструмент, который помог бы выбраться, но он устал, у него не было сил. В это время он обычно завтракал с мамой. стакан молока и печенье. Чувство голода вдруг стало таким сильным, что затмило все остальные.

Он не мог полностью открыть левый глаз, он стал одноглазым, но не отрываясь смотрел на высокое окно, почти упирающееся в потолок. Ручки у окна не было, оно не открывалось, его сделали, только чтобы пропускать немного света. Снаружи была решетка, но если он разобьет стекло, то сможет позвать на помощь. Он подошел, хромя, к стиральной машине и потащил ее к стене, потом залез на нее. Но до окна не достал. Тогда он вытащил из одной картонной коробки несколько книг, толстых томов. Положил их на стиральную машину и взобрался на эту башню. Теперь он дотянулся до окна.

Он посмотрел вокруг – чем бы разбить стекло. Снял ботинок. Постучал каблуком, постучал носком, стучал изо всех сил, пока сверху на него не обрушился град осколков. Ему порезало руку, но больно не было. Он вытащил осколки, торчавшие в оконной раме, и ему наконец удалось схватиться за прутья решетки и подтянуться на руках вверх.

Он закричал – есть тут хоть кто-нибудь? Но перед гла-

зами расстилалось бескрайнее поле. Он понял, что никого нет, что он здесь совсем один.

Он осторожно спустился с башни, потом со стиральной машины. В ноге, стоило на нее наступить, пульсировала боль. Хромая, он доковылял до того места, которое выбрал, чтобы сидеть и ждать.

Там он просидел несколько часов, не отрывая взгляда от собаки. Из раны у нее на голове вывалился мозг, похожий на боксерскую перчатку. Можно было бы накрыть труп одеялом, но ему не пришло в голову это сделать. Или не захотелось. Мертвая собака составляла ему компанию.

Он мечтал иметь собаку. Иногда, слыша ночью ее лай, он представлял, что это его собака.

Глава 18

Когда Рауля отправили в камеру обычного полицейского участка, в отделе началось второе совещание за день. Его отдадут под суд, если так решит инспектор Бланко.

– Итак, мы снова здесь. Буэндиа, полагаю, вскрытие больше ничего нового пока не дало? Уже известно, что было под ногтями?

– Данных пока нет.

– Что-нибудь еще?

– Ничего, кроме одной детали, которая, по-моему, не имеет большого значения. Уже пришли анализы, в организме Сусаны обнаружена большая доза диазепама.

Элена изумилась:

– Диазепам? Транквилизатор? Не понимаю, ее так жестоко убивают, но при этом дают диазепам, как будто хотят, чтобы она страдала и при этом не страдала. Ее сестре тоже давали диазепам или что-то аналогичное?

– Насколько мне известно, нет. Если только отчет не утерян. Что сказал жених жертвы? Вы заставили его признаться?

– Жених мало что говорит, в основном выкручивается. На самом деле я не думаю, что он имеет какое-либо отношение к убийству.

Такое откровение инспектора удивило всех.

– Он же был рядом с домом Сусаны примерно в то время, когда она исчезла, – напомнила Ческа.

– Да. И он солгал нам, что не выходил из дома. Кроме того, у него были постельные фотографии его невесты с Синтией. А еще все публикации об убийстве Лары.

– Почему же тогда вы уверены, что это не он, инспектор? – Сарате впервые осмелился открыть рот на совещании. И тотчас пожалел, почувствовав на себе взгляды остальных. Но Елена ответила ему вполне спокойно:

– След в Ла-Кинта-де-Виста-Алегре. Ты обратил внимание на ноги Рауля?

Сарате должен был признать, что нет, не обратил. Такими вопросами она каждый раз заставляла его врасплох, и он понимал, что совсем не так наблюдателен, как ему казалось.

– Размер не больше сорок третьего, а следы, которые мы нашли, – сорок пятого размера. Мы все решили, что Сусану тащил человек крупный. Она весила около пятидесяти килограммов, так что убийца, судя по глубине следов, должен, за вычетом груза, весить не менее ста. Так что продолжаем работать. Марьяхо, что еще в компьютере?

– Раулю нравятся лесбийские видео и фото. Ему мало фотографий невесты с подружкой, он почти каждый день заходил на порносайты, и это был его любимый раздел.

– Как и у всех мужиков.

Мнения на этот счет разделились, но Буэндиа, Ордуньо и Сарате поддержали инспектора.

– А компьютер Сусаны?

– Есть одна папка, которую я еще не сумела открыть. У меня такое чувство, что девочка много чего поудаляла, так же как и с телефона.

– И из квартиры. Она сделала там генеральную уборку. Я никогда еще не видел такого обезличенного дома. – Сарате хотел показать инспектору, что и он кое-что замечает.

– Верно, – кивнула она. – Что еще, Марьяхо?

– Мне удалось отследить перемещение ее мобильного телефона по *GPS*. Вскоре после трех часов ночи, а именно в тринадцать в субботу, Сусана села в машину – я полагаю, в такси.

– Почти в то же время, когда камера зафиксировала Рауля.

– Значит, за рулем вполне мог быть он. Сигнал двигался со скоростью около шестидесяти километров в час от ее дома до Ла-Кинта-де-Виста-Алегре. Непонятно, ехала она по доброй воле или нет. Остановившись в Ла-Кинта-де-Виста-Алегре, сигнал больше не перемещался.

– Получается, именно там с ней все и проделали, продырявили голову и засунули туда личинок.

– Это место стало ее Голгофой. Охранник сказал, что обычно там собираются попрошайки. Может, кто-то из них что-то видел? Прошло больше сорока восьми часов – это много. Нам нужно вернуться в Ла-Кинта-де-Виста-Алегре, посмотреть, не упустили ли мы что-нибудь. Большое спасибо, Марьяхо, продолжай. И еще одно, о чем мы не подумали:

кто сделал фотографии Сусаны и Синтии?

Все их уже видели. Они были сняты хорошей камерой, видимо из окна напротив.

– Они не знали, что их фотографируют, значит, снимал не Рауль.

– Почему нет, мы видели и более странные вещи, – усмехнулся Буэндиа.

– Единственное, что мы точно можем исключить, – любовь втроем.

– Возможно, снимки сделаны частным детективом, – высказал предположение Ордуньо.

– Не слишком ли это старомодно – частный детектив? Хотя кто говорит, что убийца – человек суперсовременный? – тут же поправила себя Ческа. – Может, нам снова отправиться в квартиру, вместе с криминалистами, и установить, откуда велась съемка? И даже навестить любопытного соседа?

– Это потом. Сначала я хочу, чтобы вы с Ордуньо допросили Синтию. Сделайте это на камеру, чтобы я видела допрос.

– Мы не исключаем ее виновности?

– Не забывай о следе, Ордуньо. Сорок пятый размер, крупный мужчина. Явно не Синтия. След, конечно, не решающее доказательство, но его мог оставить убийца.

– Она могла заказать убийство, – гнул свое Ордуньо.

– Могла, но тогда у нас первый в мире киллер, который использовал для убийства червей, – возразила Елена Блан-

ко. – Все, совещание окончено, за работу.

Глава 19

Синтию фотографии явно смутили и даже шокировали. Во-первых, все увидели ее голой, а во-вторых, поняли, что она лгала.

– Ты не сказала, что у вас с Сусаной настолько близкие отношения.

– Откуда взялись эти фотографии? Кто их сделал? – Синтия чуть не плакала; она не знала, что делать и говорить.

– Думаю, это ты должна нам рассказать. Ты должна нам многое рассказать. Я не знаю, понимаешь ли ты, что ввела нас в заблуждение. Мы поверили тебе с первой минуты, нам показалось, ты горюешь по Сусане больше всех, – и вдруг оказывается, что ты лжешь...

– Я не убивала ее, я не могла...

Элена и Сарате следили за допросом на экране компьютера в кабинете инспектора.

– Не слишком ли рано они начали на нее давить? – спросил Сарате.

– Дознаватель сам задает ритм допроса, – возразила Элена. – Ческа и Ордуньо знают свое дело; а не знали бы, не работали бы в ОКА. Не отвлекай меня, я не хочу ничего пропустить.

Это был удар по самолюбию Сарате: Элена словно дала ему понять, что есть просто полицейские, а есть полицейские

из ОКА. Когда следствие закончится, он вернется в свой Карбанчель, а его коллеги по этому делу останутся в статусе суперполицейских. Если только за это время он не проявит себя, не заслужит право работать в составе спецподразделения.

– Мы с Сусаной были вместе три года... С тех пор как познакомились в модельной школе... Поэтому я ушла с девичника – не могла смотреть, как эти голые мужчины касаются ее...

– Ты ревновала?

– Ревновала, значит, убила ее? Нет, мне просто было противно на это смотреть. Я не стеснялась наших отношений. А она скрывала их и пошла бы на все, лишь бы никто никогда ничего не узнал.

– Кто еще знал?

– Из нашего окружения? Думаю, никто.

Синтия все плакала и плакала и никак не могла перестать. Из-за смерти Сусаны, из-за того, что их связь стала известна, из-за того, что ее допрашивает полиция, – в общем, причин хватало.

– Откуда эти фотографии? У Сусаны их не было, она бы мне показала.

– Из компьютера Рауля. Расскажи нам о нем.

Прежде чем Синтия ответила, Ческа протянула ей пачку носовых платков.

– Сусана не была влюблена в Рауля, и он тоже не был

влюблен в нее. Они собирались пожениться, потому что им обоим это было удобно. У Сусаны была бы свадьба, как Богом завещано, – так она сама говорила.

– А он? А ему зачем?

– А у него свой интерес. Я уверена, что, увидев его квартиру, вы подумали, что он богат, ведь он живет в одном из лучших районов Мадрида, и вы, наверное, решили, что она выходит за него замуж из-за денег. А все совсем наоборот. У отца Сусаны больше денег, чем смогли бы накопить несколько поколений семьи Рауля. Или, по крайней мере, было больше; я думаю, что последние годы оказались для ее родителей тяжелыми.

– Не похоже, что они богаты.

– В жизни многое выглядит не так, как есть на самом деле. Сусана говорила, что после смерти ее сестры жизнь семьи сильно изменилась.

Сарате посмотрел на Элену, оценивая ее реакцию на услышанное. Но инспектор, если даже и удивилась, ничем этого не показала.

– А фотографии? Зачем они Раулю?

– Не знаю. Но эти фотографии похожи на те, что делают детективы в фильмах. Наверное, он кого-то нанял.

– Но зачем? Ты только что сказала, что он не был в нее влюблен.

– Да, это правда. Мне казалось, он всего лишь хотел жениться и ждать, когда на него дождем посыплются деньги.

Но, судя по этим фотографиям из его компьютера, я ошибалась.

Элена Бланко улыбнулась.

– Итак, у нас целых три подозреваемых. Убийца сестры, который не мог убить Сусану, потому что сидит в тюрьме. Жених, который вряд ли ее убил, потому что у него не тот размер ноги и потому что Сусана, совершенно очевидно, была нужна ему живой. И, наконец, ее подружка, которая, судя по психологическому складу, вряд ли способна на убийство. Но полной уверенности у нас нет ни в чем.

– На кого ставите вы, инспектор?

– На всех или ни на кого. Иногда я склонна думать, что ни один из трех не виноват, а иногда мне кажется, что каждый из них на это способен. Надо еще многое проверить. Никто не станет убивать девушку, тем более двух, с помощью трепанации и личинок-бурильщиков без тщательной подготовки, не продумав каждую деталь. Иначе он сразу вызовет подозрения.

Ческа добилась своего: если Синтии было что рассказать, теперь она выложит все.

– Она говорила тебе о своей сестре? – спросила Ческа.

– Сусана была одержима смертью Лары. Вы не видели фотографии? Она снималась в такой же фате, как у сестры на тех снимках, что сделал человек, который ее убил.

Вот теперь Элена среагировала: взяла телефон и вызвала Марьяхо. Та явилась через несколько секунд. Разговаривая

с ней, инспектор по-прежнему не упускала ни слова из тех, что звучали в допросной.

– Марьяхо, мне кажется, я уже знаю, что в той папке, которую ты не можешь открыть: там фотографии Сусаны в свадебном наряде.

– Я вот-вот ее открою, ты же знаешь, чуть-чуть терпения – и открывается все. Еще одно, инспектор: я восстановила переписку Сусаны с отцом в «Вотсапе». Это ужас какой-то: чем только он ей не угрожает, чтобы отговорить от замужества. Кроме того, он звонил ей по четыре-пять раз в день, Сусана обычно не отвечала.

Сарате замотал головой. Это невозможно, с учетом крайней жестокости, с которой убили обеих сестер. Если бы поговорить с Сальвадором Сантосом, если бы тот на мгновение стал прежним и рассказал, что он обнаружил, пока расследовал убийство старшей, тогда, возможно, Мойсеса можно было бы вычеркнуть из списка подозреваемых. Возможно, ключ спрятан в памяти Сальвадора – как до него добраться?

– Отец не может так жестоко убить собственную дочь.

– Конечно, по крайней мере, я не хочу думать, что он мог это сделать, – ответила инспектор.

– Не должен, – кивнула Марьяхо, – но всякое бывает. Полагаю, когда произошло первое убийство, в прессу попало не так много данных. Например, почти наверняка туда не просочилось ничего про три отверстия в черепе. В таком случае кто мог это знать? Кто-то, кто имел доступ ко всем судебным

документам, то есть кто-то, кто близок к жертве или убийце: то есть семья.

– Осторожнее, Марьяхо, нам нужны очень веские доказательства, чтобы обвинить отца, – сказала Элена. – А теперь прошу меня простить: у меня тоже есть начальники, и я должна отчитываться перед ними. Сарате, оставайся до конца допроса и учись у коллег.

Глава 20

– Хрустящий краб с солью и сычуаньским перцем – это деликатес. Возьми, рекомендую.

Рентеро больше подошло бы амплуа ресторанный критика, чем комиссара полиции, но не стоило обманываться этим обликом благодушного бонвивана: непосредственный начальник инспектора Бланко был, как и она, полицейским до мозга костей и точно так же, как она, имел личные мотивы, чтобы выбрать эту профессию.

– Ты же знаешь, я всегда следую твоим советам.

– А дальше я бы заказал парового сибаса с имбирем под зеленым луком-шалотом, если только ты не мечтаешь о жареной утке.

– Я не капризна, сибас вполне подойдет.

– Отлично. А вина возьмем все-таки европейского. Как насчет пескеры?

– Все, что скажешь, будет идеально – при условии, что вместо десерта я заказываю граппу.

Элена и Рентеро встретились в «Галерее Азии», ресторане отеля «Палас». Ему нравилась здешняя китайская кухня, едва ли не лучшая в Мадриде, а ей – то, что отсюда не слишком далеко до отдела.

– Скажи, что у тебя уже что-то есть, – потребовал комиссар.

– Сомнения. Все, что у меня есть, это сомнения.

– Деньги тебе платят не за сомнения.

– Этот номер со мной не пройдет, ты же знаешь, Рентеро, я живу не на зарплату, она для меня что есть, что нет. Я служу не за деньги, у меня их больше, чем можно заработать в полиции за три жизни.

– О финансах твоей семьи я знаю побольше тебя. Ты не единственная, кто работает тут не ради денег. И тебе известно мое мнение – надо жить дальше, жизнь у нас только одна.

Элена не ответила, а Рентеро подумал, что он хоть и знает о ней все, на самом деле понятия не имеет ни о ее драме, ни о том, почему она выбрала такой путь в жизни. Как человек деликатный, он не приставал с расспросами, но понимал, как она страдает, при том что Элена никому об этом не говорила.

– Про зарплату – это я так, к слову. Расскажи, как обстоят дела.

Элена вкратце сообщила о задержании Рауля; о том, что убийства сестер идентичны, если не считать диазепамы; об отношениях Сусаны с Синтией и о фотографиях, благодаря которым это стало известно; и о своих сомнениях в виновности отца девушки.

– Другими словами, у тебя ничего нет.

– Совсем ничего, – признала инспектор. – Но с каждой минутой я все ближе к тому, чтобы что-то найти.

– Меня беспокоит, что в тюрьме может сидеть невиновный.

– Кто вел первое дело?

– Сальвадор Сантос, хороший полицейский. Это было одно из его последних серьезных дел перед уходом на пенсию, возможно даже самое последнее. Но не думаю, что ты сможешь поговорить с ним, у него Альцгеймер.

– Если он был хорошим полицейским и ты ему доверял, нет никаких оснований думать, что мы держим в тюрьме невиновного.

– Он был хорошим полицейским, но это не значит, что я ему доверял. Мы не очень понимали друг друга, наши отношения никогда не были гладкими. Но не будем отвлекаться: мне не нужен невинно осужденный. Иначе пресса нас попросту сожрет.

Элена понимала: Рентеро заботит не столько ход следствия, сколько реакция общества. Лучше пусть убийца окажется на свободе, чем невиновный в тюрьме: последнего СМИ не простят.

– Как долго ты сможешь не подпускать прессу к материалам дела?

– Сама знаешь, я не могу ничего гарантировать, Элена. Странно, что они еще ничего не пронюхали. Время, которое у нас есть, – это подарок, надо использовать его с толком. Ты должна полностью посвятить себя поиску убийцы, отдать этому все свое время.

– Я всегда так и делаю – отдаю все свое время.

Ее одержимость работой Рентеро вполне устраивала, как

он ни твердил Элене, чтобы она побольше отдыхала и чтобы до конца использовала отпуска, времени на которые у нее никогда не находилось.

– Ты взяла нового полицейского.

– Анхеля Сарате? Я проверю его на этом деле. Он инициативный, может, станет хорошим приобретением для отдела.

После еды Рентеро выпил «Ямадзаки» – японского виски восемнадцатилетней выдержки, – а Елена взяла авторскую аргентинскую граппу, дистиллят высокого качества, «Брессия даль Куоре», роскошную граппу, достойную этого роскошного отеля.

– Не понимаю, что ты находишь в граппе! Наверняка в половине случаев тебе подают обычный галисийский самогон из виноградных выжимок, только вдвое дороже. На самом деле, думаю, галисийский самогон будет лучше любой граппы, просто итальянцы умеют себя подать.

Погода стояла прекрасная, до лета, которое превращает Мадрид в раскаленный ад, оставалось еще две недели, и Елена с удовольствием возвращалась в отдел пешком. Никому из встречных туристов, студентов и молодоженов не приходило в голову, что перед ними – один из самых авторитетных испанских полицейских, из тех, кто обедает со вторым человеком национальной полиции в одном из самых роскошных ресторанов Мадрида. Елена даже позволила себе купить мороженое в уличном ларьке, хотя отказалась от десерта в «Галерее Азии». Такие минуты, безмятежные и спокойные, вы-

падали у нее очень редко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.